Волчьими тропами

Автор:
Купава Огинская

Волчьими тропами

Купава Огинская

Случайно можно пролить горячий кофе на новенькие брюки, выбросить вместе с мусором важный документ или разбить телефон…

Я же случайно попала в другой мир. На пограничную заставу, в стаю оборотней, где лишилась привычного имени, зато обзавелась незаслуженным званием нечисти и неразрешимой проблемой, на фоне которой все мои беды кажутся просто смешными.

Теперь мне придется в прямом смысле поучаствовать в спасении этого мира и рискнуть всем. Лишь тогда я смогу вернуться домой… Или нет.

Купава Огинская

Волчьими тропами

Глава 1

Я спешила.

Бежала так, как не бегала даже на зачете по физкультуре, чтобы успеть до закрытия общежития.

Конечно, до одиннадцати часов было еще целых пятнадцать минут, и два года назад я бы спокойно прошлась по улице, огибая здания общежитий других факультетов, разбросанные по студенческому городку в каком-то неуловимом порядке, наслаждаясь приятной прохладой летней ночи, легкостью сумки, которая, по ощущениям, без зачетки весила на пару килограмм меньше, и непременно наткнулась бы на запертые двери.

Наш вахтер, несравненная Ефросинья Астафьевна, жила по своим внутренним часам, которые спешили минут на пять (а в особенно неудачные дни и на все десять), серьезно опережая реальное время.

Ночевать на лавочке под дверьми родного общежития мне не хотелось. Не для того я билет на самый ранний утренний поезд брала, чтобы на него опоздать, не успев собрать чемодан. Завтра меня ждала незабываемая поездка домой и целый месяц беззаботного веселья. Оптимистические планы счастливого человека.

На деле же меня ждал незакрытый канализационный люк, который я банально не заметила в темноте, и странный полет в не туда.

Просто нога не нашла опору, и я завалилась вперед, падая в темноту. Руки не смогли нащупать асфальт, ухватиться было не за что, а я просто ухнула в холодную пустоту, даже не взвизгнув, и единственной панической мыслью было короткое: «сейчас что-нибудь сломаю».

Лучше бы, конечно, все закончилось простым переломом. Если бы даже открытым, не страшно. Пережила бы как-нибудь.

Но нет, я упала на что-то большое и мохнатое, мчавшееся вперед и почти сразу попытавшееся скинуть меня с себя. Мозг еще отказывался воспринимать творящийся кошмар, а я уже ухватилась за густую длинную шерсть и до судороги сжала пальцы, желая только удержаться.

Бешеный топот за спиной и тяжелое дыхание напуганных животных заставляли простейшие инстинкты работать на полную мощность. Только благодаря чувству самосохранения я не оказалась под копытами и лапами обезумевших от страха животных.

Мозг все так же не подавал признаков жизни, я не понимала, что происходит, где я нахожусь, как все так получилось, и когда мы уже остановимся, но отчаянно цеплялась за единственное, что отделяло меня от незавидной участи стать раздавленной лепешкой.

Руки мелко дрожали от усталости, но я упрямо сжимала густую шерсть, стараясь не особо смотреть по сторонам. Стены тоннеля, в котором я оказалась, пронизанные фосфоресцирующими синими нитями, светились над головой; то там, то здесь открывались голубоватые трещины, из которых кто-нибудь выпадал.

Прямо перед оседланным мною монстром из одной такой трещины вывалилась какая-то тощая туша с рыбьим хвостом и была безжалостно затоптана. Очень мотивирующее зрелище, заставившее меня крепче сжать пальцы.

Камень стен стонал и мелко дрожал, а я начинала уже подумывать, что, кажется, слишком сильно ударилась головой при падении, и целостность моего рассудка под угрозой, когда впереди показалась светлая точка.

Как бы там ни было, мы приближались к выходу.

И именно в тот момент, когда я поверила, что самое страшное уже почти позади, нас подрезала длинная тощая кошка, с раскрытым жаберным воротником, какой я видела только на фотографиях у всяких экзотических ящериц.

Оседланный монстр, напоминающий хорошо обросшего быка, вильнул в сторону, правая рука подвела меня и разжалась. Проехавшись по его жесткому боку и больно ударившись пятками о землю, но не разжав левую руку, я продержалась так еще метров сто, отчаянно цепляясь за свое единственно спасение, пока каменный выступ не сорвал меня с быка окончательно.

Животные пробегали мимо, не обращая внимания на вжавшуюся в камень меня. Ладони горели, мышцы рук сводило болезненной судорогой, и ушибленная спина больно ныла, вторя отбитым пяткам.

Закрыв голову руками, я тихо радовалась, что утром решила надеть кроссовки вместо нежно любимых мною новеньких босоножек.

Других поводов для радости у меня не было.

Обезумевшая от страха копытно-когтистая волна схлынула, топот затихал вдали, отдаваясь в висках молоточками боли. Зажав уши и зажмурившись, я пережидала острый приступ неконтролируемой паники, скрипя зубами и понимая, что вот-вот заору. Творилось что-то совершенно ненормальное, невозможное и страшное до чертиков.

Стук крови в ушах заглушал хриплое, поверхностное дыхание и тихое, полубезумное поскуливание, вырывавшееся из моей груди. Я была на грани, чувствовала, что готова переступить ее, окунуться в спасительный холод какого-то страшного и безысходного состояния.

Когда передо мной появился странного вида человек, я не поняла. Была чуточку занята, стараясь удержать быстро рассыпающуюся на части реальность, и не сразу поняла, что вместо пульсирующего шума в ушах я слышу свое срывающееся дыхание. Ощущение чьего-то присутствия пришло с секундной заминкой.

Тонкий и белый, состоящий словно из одних костей, обтянутых кожей, он склонился надо мной прожигая взглядом белых, мерцающих глаз.

Он казался ужасным и чужим, но паника затухала под его взглядом, продолжая тлеть слабым, неопасным костерком, несравнимо малым на выгоревшем пепелище.

Здесь было довольно темно, светящиеся нити истончались, уходя вглубь породы, скрываясь от света, льющегося сквозь разлом, что я приняла за выход, но густой полумрак не мешал рассмотреть тонкие, резкие черты лица. Слабые серебристые линии, складывающиеся в рисунок, начинались под его глазами и сходили вниз по щекам и шее, теряясь между складок свободной, белой одежды. В нем было что-то невозможно знакомое и в то же время необычное, в одежде, в рисунках на белой коже, в широком браслете на белом запястье.

Серебро и малахит, предположила я, глядя не на бледные пальцы протянутой ко мне руки, а на вытесненные на широкой основе браслета символы. Такие же, что украшали его лицо.

Он что-то спросил, продолжая держать протянутую руку на весу. Резкие короткие слова, колкие звуки, взлетающие до почти дребезжащей звонкости и быстро спадающие до глухого шепота.

Осторожно покачав головой, я медленно проговорила:

– Не понимаю. – внутри черепной коробки шли ремонтные работы, я слабо вздрагивала от несуществующего стука отбойных молотков, разминавших мой мозг в кашицу, и беспомощно смотрела на него, совершенно точно понимая, что это не человек. Таких людей просто не бывает.

Первым делом на ум пришла восхитительная в своей бредовости мысль о пришельцах. Инопланетяне прилетели на землю. Ура!

Где моя шапочка из фольги?

Он повторил свои слова, на этот раз медленнее.

Я еще раз помотала головой, надеясь, что язык жестов у нас не сильно отличается, и мои потуги объяснить, что я ничего не понимаю, не окажутся в его представлении чем-то принципиально другим.

Он нахмурился, убрал руку и выпрямился. Прошелся по пещере от стены до стены, бормоча что-то себе под нос и перебирая бледными пальцами воздух. Вся его фигура словно светилась изнутри. Я уже ничего не понимала и готова была смириться с мыслью, что сошла с ума.

Придя к определенным выводам, он быстро приблизился. Во всех его движениях было что-то завораживающе неправильное. Неземное.

Мысли вновь начали соскальзывать в космические дебри. Вот вам и Звездные Войны. Получите, распишитесь. Кто там хотел стать джедаем? Прошу.

Склонившись надо мной, он коснулся холодными пальцами моей шеи, не обратив внимания ни на невольную дрожь, ни на попытку отстраниться. Даже бровью не повел, жестко перехватив мою кисть, когда я попыталась отцепить от себя его руку. Прохладная и гладкая ладонь казалась слишком реальной, чтобы быть

всего лишь плодом моего поехавшего воображения.

Несколько коротких отрывистых слов – и белые глаза вспыхнули, а мою шею пронзила острая боль. Она расходилась по всему телу, захватывала каждый мускул, каждый нерв, окутывала меня изнутри, медленно подбираясь к мозгу. Будто того, что уже случилось, недостаточно, можно подумать, мне и так мало досталось.

В ушах что-то свистнуло и сухо щелкнуло. Словно кто-то переломил веточку. Или кость.

Он убрал руку, и я смогла ощупать свою шею. По ощущениям там был целый ожог, но пальцы ничего не находили.

– Ты из-за черты? – спросил он, когда я прекратила себя щупать и вертеть головой, ошалело прислушиваясь к ощущениям.

– Что? – его язык больше не казался мне странным, но что-то необычное в нем все же было. Казалось, что я все так же не понимаю ни слова, но кто-то третий переводит прямо в моей голове, очень упрощая смысл сказанного, облегчая все до моего уровня.

– Оттуда? – он показал на разлом.

Я покачала головой и указала на потолок:

– Оттуда.

Он нахмурился, выпрямился, и, казалось, утратил ко мне всякий интерес. Желание задать встречный вопрос и узнать, где я, завяло так толком и не сформировавшись в осмысленный порыв. Рука непроизвольно дернулась еще раз ощупать шею.

После недолгих раздумий и тяжелых взглядов я была озадачена еще одним странным вопросом:

– Ты не потеряешь себя?

– Чего?

Он постучал по виску и попытался пояснить:

– Не потеряешь себя? Из-за того, что случилось?

– Не свихнусь ли я? – вопрос был хороший, но ответа на него я не знала. Может быть и свихнусь, если мне кто-нибудь не объяснит куда я попала и что происходит. Я не справлялась с перегрузкой, почти чувствовала, как мой процессор дымится, и потому особенно забавной казалась прочно засевшая в мозгу мысль о том, что мама очень разозлится, если я опоздаю на завтрашний поезд. – Не знаю, но хочется верить, что нет.

Он еще немного помолчал. Было непонятно, пытается ли он осмыслить мои слова или думает о своем.

– Хорошо, – наконец-то отмерев, он указал на разлом, – тогда ты пойдешь туда, найдешь алара и будешь ждать.

– Алара?

– Те, кто живут там, – он еще раз указал на разлом.

– Так, а чего ждать? – светлячок, решила я, он очень похож на светлячка. Такого мутировавшего светлячка, жившего в Припяти девяностых годов.

– Когда мы придем. Ты будешь говорить. Чтобы нас слушали.

– А, может, я просто домой пойду?

– Не пойдешь, – мотнул головой он, – проход закрыт. Пути больше нет.

– Как нет? Должен быть, – я ему не верила.

– Врата открываются и впускают жертву. Потом врата закрываются. Жертва приносит с собой энергию, которая удерживает тропу открытой, позволяя

пройти по ней охотникам, – он нахмурился и его сияние чуть померкло, – охотники – зло. Они несут много бед нашему миру и смерть миру аларов. Это нужно прекратить, но мы не слышим друг друга, нужен кто-то, кто сможет слышать.

Я молчала, как заведенная повторяя про себя «это все совершенно нормально», и чувствовала, как же близка к тому, чтобы «потерять себя».

– Ты поможешь.

– Ты же сначала спросил, не оттуда ли я, – мотнув головой в сторону разлома, я зло заправила волосы за уши. Они мешали, мне, как никогда раньше, нужна была резинка, но ее не было. Сумка со всеми вещами, включая расческу, мобильник и целых три резинки, сгинула где-то в глубине этого туннеля, – тебе нужен кто-то из местных.

– Это было бы хорошо, – кивнул он, – было бы проще. Его бы не стали убивать, но ты тоже подойдешь.

– Подожди-ка, не стали бы убивать? Меня там убить могут? – идти к этим аларам мне уже совсем не хотелось. Хорошенькое место, где несчастного потерявшегося человека могут убить.

– Могут, – кивнул он, и уточнил, пытаясь мотивировать меня на подвиг, – но если останешься здесь, тебя ждет только смерть. Никаких шансов.

– А почему бы тебе просто не пойти туда и не выбрать кого-нибудь из местных?

– Злое светило, – коротко ответил он, – мы еще не готовы вступить в его сияние.

– Прекрасно, инопланетяшки, болеющие порфирией.

Светлячок смотрел на меня и молчал, его ущербный переводчик споткнулся о непонятное слово.

– Забудь, – махнула рукой я, и этот простой жест отозвался иголочками боли во всем теле.

– Я прихожу сюда каждый раз, когда гора дышит, – коснувшись мелко дрожащей стены, он, кажется, решил последовать моему совету, – жду кого-нибудь с той стороны, но никто не приходит. Теперь есть ты, и ты должна пойти туда.

– Подожди-подожди, – я попыталась сесть поудобнее, но в моем состоянии это было невозможно, – а кто тебе сказал, что если я туда пойду, меня будут слушать? Сам же сказал, что убить могут. Что ты тогда будешь делать? Вот придешь ты к ним весь такой в солнцезащитном креме, а меня нет, алары эти тебя не поймут, убьют и все…

– В тебе моя сила, я почувствую твою смерть, – проговорил он уверенно, стягивая с пальца кольцо, тоже серебро и малахит. Тоненький ободок с треугольным зеленым камнем в простой оправе, – возьми. Это защита.

Брать кольцо я не спешила. На защиту оно совсем не походило, вот на симпатичную, но совершенно безобидную бижутерию – да, а на защиту – нет.

– Возьми, – с нажимом повторил он, и я сдалась. Протянула руку, приняла холодное, не согретое теплом живого тела кольцо и, сомневаясь в том, что оно мне подойдет, попыталась надеть. Пальцы у светлячка были длинными, но ужасно тонкими, и я вполне оправданно ждала, что кольцо окажется мне мало. Ошиблась.

Оно село как влитое, обхватив указательный палец, и совсем негармонично смотрелось с моим сиреневым маникюром.

– Теперь иди, – велел он и исчез, лунным светом растворившись в темноте. Ни попрощался, ни имени своего не назвал. Наговорил всякого и просто сбежал, оставив меня одну в непонятках.

Я медленно поднялась, глухо кряхтя и чувствуя себя непозволительно старой. Отряхнулась, глядя на выход.

Идти туда не хотелось. Там меня ждало что-то странное, страшное и смертельно опасное. Совсем не то, что было нужно среднестатистической девушке.

Решительно повернувшись спиной к проходу, я похромала вглубь тоннеля, планируя, во что бы то ни стало, найти путь домой. Как я буду его искать, как узнаю, если учесть, что там еще с десяток таких же проходов открывалось, я не думала. Мне казалось, что свой путь я обязательно узнаю.

Найду, выберусь отсюда и никогда, ни при каких условиях, никому не расскажу, что со мной приключилось. И, пожалуй, схожу к психологу. Лишним не будет.

Я шла, и шла, и шла, и уже начинала даже не паниковать, а тихо беситься. Никаких светящихся дырок не было видно ни вверху, ни по сторонам неровного туннеля, ни даже под ногами. Только фосфоресцирующие нити становились все толще и светились только ярче.

Затоптанную тушу с рыбьим хвостом я увидела минут через двадцать. Она лежала с размозженной головой, переломанными трехпалыми руками и неправдоподобно выгнутой спиной. Такая себе синекожая, лысая русалка с костяными наростами на пятнистой разбитой голове.

Дыры, из которой она вывалилась, нигде не было.

Меня подташнивало.

Из глубины туннеля послышался шорох, рык и быстрый стук лап и копыт по каменному полу.

– Только не опять, – простонала я, отступая назад.

Шум приближался, а я не то что бежать, я даже быстро идти была не в состоянии.

С потолка, где освещения почти не было, на меня спикировала огромная, мутировавшая летучая мышь, шипастые крылья задевали сужавшиеся книзу стены, но ее это не остановило. Мышка учуяла меня, записала в свои жертвы, и, больно вцепившись когтями в плечи, дернула вверх. Одна ее лапа очень удачно перехватила мое плечо и почти не поранила кожу, а вторая впилась когтями в плоть, распоров ее до крови.

Мы рывком поднялись в воздух, и я задохнулась от боли, задвинувшей на второй план даже страх высоты. Перед глазами новыми красками заиграли белые и красные точки, пульсируя в такт взмахам мышиных крыльев.

Мы взлетели, а под нами клыкасто-шипасто-рогатой волной бежали жуткого вида существа.

Мне почему-то сразу подумалось, что именно их светлячок назвал охотниками, но боль была слишком сильной, и за адекватность своих мыслей я ответственности не несла.

Сзади на нас налетела еще одна монстромышь, нисколько не стесняясь своего желания вырвать из лап соперницы такой замечательный трофей как я.

Трофей, вместе с поймавшей его мышью, впечатали в каменный свод, чуть не размазав по выступу.

Я не знала, что мыши, особенно летучие, умеют шипеть, впрочем, возможно, нормальные мышки и не умеют, но эти натурально шипели друг на друга, сражаясь за мое мясо. Или, быть может, за кровь. Кто знает, чем эти мутанты тут питаются.

Я моталась из стороны в сторону в когтях, меня мутило от страха и боли, а этот кошмар все не заканчивался.

Мыши шипели, бились об стены, били об стены меня, грызли друг друга, пропарывая острыми шипами нежную кожу крыльев, и, кажется, уже даже позабыли с чего все началось.

Потому что, помни они причину драки, вряд ли продолжили бы грызться, когда я полетела вниз. Меня уронили, и это было бы ужасно, не будь я сегодня такой везучей.

Хотя, наверное, странно говорить об удаче, когда ты попал в какое-то странное место и постоянно рискуешь совершенно не героически сдохнуть.

Но, тем не менее, я снова приземлилась на мохнатую спину. На этот раз повезло меньше. Мохнатая спина хоть и была широкой, но совершенно неудобной, и если бы я не умудрилась ухватиться за плоские рога на голове чудовища, то свалилась бы, не успев даже подумать, что мне повезло.

Мы неслись вперед, я, шалея от своей смелости, удобнее оседлала невольного скакуна, уже не так ощутимо отбивая попу об наросты на его спине, а он, офигевая от моей наглости, пару раз вильнул задом, стремясь скинуть ненужный груз, но чуть сам не свалился и перестал бузить, лишь изредка возмущенно взбрыкивая.

Так мы и пролетели проход, выскочив в теплый и солнечный летний день. Яркий свет резанул по глазам, и я чуть сама не свалилась, на радость рогатому, но каким-то чудом удержалась.

Отбитое, обессиленное тело из последних сил боролось за жизнь своей хозяйки.

Я уже ничего не понимала и действовала исключительно на инстинктах. Даже не удивившись почти, когда мы, вместе с еще несколькими мелкими чудищами, бросились в заросли, находившиеся сразу у каменистого плато, на которое нас выбросило из туннеля.

Основная ужасная рать неслась вперед по широкой дороге, целенаправленно куда-то спеша.

Я бы могла поклясться, что они спешили в город, туда, где много-много вкусного мяса. Если бы знала, как облечь свои подозрения в слова.

Рогатый уносил меня в лес, и я была ему за это очень благодарна. Первое время. Потом начала тихо ненавидеть.

Ветки били по лицу, цеплялись за волосы и футболку, стараясь сорвать меня с чудовища.

Я сопротивлялась минут десять, а потом силы меня покинули, и пальцы безвольно разжались.

Очередное падение уже не смогла впечатлить, все тело и так болело, ничего нового я не почувствовала.

Просто лежала в траве, раскинув руки, и чувствовала, как глухую боль от ушибов разбавляет едкое жжение царапин. Лицо, руки, бок, который я расцарапала при падении какой-то веткой, отбитые бока, пульсирующее горячей болью разодранное плечо. Я была одним цельным сгустком страданий.

И, пожалуй, только в этом было мое спасение. Боль мешала думать.

Я лежала, покачиваясь на горячих волнах, вдыхала запах разогретых на солнце трав и хотела стать облачком. Тем белым, пушистым облачком, скрывшим солнце. Чтобы во мне тоже было пару тысяч тонн, и я могла раздавить ко всем чертям и это гору, и эти перемещающие дыры, и неплохо было бы еще и светлячка раздавить. Скотина светящаяся.

В кровожадных мечтах, среди травы и умиротворяющего стрекота кузнечиков я провалялась долго. Пару часов, не меньше. Именно столько времени мне понадобилось, чтобы перевести дух, смириться с происходящим и, наконец-то, подняться.

Голова кружилась, хотелось пить или сдохнуть. Но, так как сдохнуть не получилось, хотя нельзя сказать, что попыток не было, я медленно побрела на поиски воды.

Воды не находилось. Еды, к сожалению, тоже. Вокруг было много знакомых еще с детства трав, которые я охотно помогла собирать бабушке для всяких ее оздоровительных рецептов, еще больше было незнакомых растений, и ничего съедобного. Я едва шла, почти не чувствовала своего тела, зато очень хорошо и во всех подробностях ощущала боль от ран и ушибов, что было довольно обидно.

Только ближе к вечеру, искусанная комарами, обессиленная, опасающаяся заражения крови, я набрела на родник.

Это был праздник лучше любого дня рождения.

Я напилась, промыла кое-как плечо, от души поплакала и с чистой совестью уснула, с трудом заставив себя заползти в ближайшие кусты.

Плечо болело значительно меньше, царапины и вовсе перестали напоминать о себе.

Я слишком устала, чтобы страдать, и мгновенно вырубилась, стоило только достаточно удобно расположиться в кустах.

Это были самые счастливые девять часов моей жизни в этом сумасшедшем месте.

А на исходе девятого часа мой покой был нарушен оглушительным пищанием и болезненным щелчком где-то внутри моей черепной коробки. Словно кто-то заржавевший тумблер переключил.

Я не вздрогнула, не дернулась, даже дыхание не сбилось, просто проснулась, не сразу сообразив, что происходит и почему так больно, а когда сообразила, то про себя помянула светлячка тихим злым словом.

Шею снова опалило огнем, как когда он ко мне прикоснулся, и я услышала невероятное – хорошо понятную, не напрягающую речь. На этот раз мне не казалось, что перевод запаздывает, как это было со светлячком. Слова накладывались на образы в моей голове и не пугали своей необычностью.

– А вдруг это, все-таки, дух леса? – озабоченный голос ворвался в мой нездоровый сон.

– От духа кровью бы не пахло, – ответили ему густым, тяжелым рычанием.

– А кто сказал, что это его кровь? – не унимался первый.

– Это выходец, – убежденно прорычал второй, – нужно добить.

– Спящего? – возмутился первый, и я возмущалась вместе с ним. Вот уж что-что, а умирать во сне я не хотела. У меня вообще смерть в планах не значилась. В моих планах жирным шрифтом большими буквами было написано всего два

слова «вернуться домой».

И пусть я не знала, как это сделать, не представляла даже, где нахожусь, но сдаваться не собиралась.

– Тогда разбуди его, – предложил тот, чья речь больше походила на звериное рычание.

В меня бесцеремонно потыкали палкой.

– Эй ты.

Не раздумывая, что делаю, я ухватилась за древко, дернула его на себя и глухо взвыла от прострелившей все тело боли.

Палку, на деле оказавшуюся вполне пристойной рогатиной, из моих ослабевших пальцев вырвали.

– Он ранен! – долговязый, худой парень обвиняюще указал на меня рогатиной. – И похож на человека.

Если бы я уделила ему чуть больше внимания, то смогла бы разглядеть и светлые, неровно подстриженные волосы, и россыпь веснушек на носу, и зеленые глаза, и короткий шрам на щеке. Возможно, мне даже хватило бы сил, чтобы восхититься расшитой простой рубахой.

Но я на него не смотрела, и если бы горло не свело судорогой, уже самозабвенно визжала бы.

Рядом с парнем стоял медведь. Огромный бурый кадьяк.

– В-валерьянки мне, – простонала я, здоровой рукой хватаясь за сердце.

– Девчонка? – удивился парень и еще удивленнее добавил, – говорит по-нашему.

Чуть не ляпнув, что я теперь, кажется, по-всякому могу, прижалась лбом к траве, ругая себя за то, что голову подняла. Лучше бы мертвой прикинулась, может они бы меня в покое оставили.

Медведь зарычал, и в этом рычании я узнала голос того, кто хотел меня добить.

– Она не человек. Голова в огне.

Я невольно вскинула руку, прикрывая макушку. Рубиновый красный, замечательный цвет, стойкий, мне очень идет. Угробила на одну упаковку краски почти две тысячи рублей, а меня теперь из-за этого еще и убить хотят.

– Не в огне, – усмехнулся парень, – просто у волос цвет странный. Может она из дервичей? Говорят, у них встречаются красноголовые.

Медведь тяжело вздохнул.

Зажмурившись, я пыталась справиться с собой. Происходящее было настолько невозможным, что я серьезно обеспокоилась своим психическим здоровьем. Светящиеся инопланетяне и мутировавшие летучие мыши это одно, а вот говорящий медведь – верная дорога в дурку.

Меня даже не смущало то, что парень медведя тоже понимал. Все это казалось просто одним большим глюком моего производства.

Я не вникала в эмоциональный спор, касавшийся непосредственно моей персоны, просто легла так же, как лежала до их появления в моей непростой жизни, закрыла глаза и мгновенно вырубилась.

Сон мой, был больше похож на затяжной обморок, и в себя я приходила очень тяжело и болезненно.

А когда все же пришла, почти сразу поняла, что раньше все было еще вполне мило и даже адекватно, а вот сейчас, в это самое мгновение, на этой жесткой, но почему-то удобной кровати, я окончательно распрощалась с мыслью о своем психологическом здоровье. Не было у меня его, здоровья этого.

Плечо было перевязано, царапины на руках смазаны какой-то зеленоватой гадостью, которая успела впитаться, но оставила легкий налет на коже. Одежды – моей последней связи с реальностью, поблизости не было, а сама я одетая в длинную рубаху без рукавов, лежала под тонким покрывалом на низкой кровати. Хлопок, на ощупь определила я, только хлопок и больше ничего.

В смысле с меня не только порванные джинсы с футболкой стянули, но и нижнее белье куда-то дели. И кроссовки тоже.

Небольшая комната, светлая и уютная, пахла травами, что сушились под потолком, и звенела от птичьего пения, доносившегося с улицы. Окно было открыто, и ничего не мешало звукам проникать в помещение.

Со своего места я могла разглядеть большой шкаф, пристроившийся в углу, и стол, стоявший перед окном, в ногах моей кровати.

Стул стоял рядом со мной, словно совсем недавно на нем кто-то сидел.

Никаких личных вещей видно не было, я не знала куда попала, кто хозяин этой комнаты, этого дома, этой дебильной рубахи, в которую меня обрядили, и совсем не чувствовала благодарности за помощь.

В голове было пусто. Я старательно гнала от себя воспоминания о светлячке, об охотниках и говорящем медведе, трусливо не желая анализировать случившееся.

Встать удалось только с третьей попытки, первые две привели к тому, что я свалилась на пол, опрокинув стул и потревожив все свои многочисленные раны. Уже с пола, ядрено матерясь, я медленно поднялась сначала на четвереньки, а потом и на ноги, перемежая матюги с уговорами себя любимой потерпеть и подняться.

Если бы мамочка слышала, как я ругаюсь, дала бы ремня и не посмотрела, что дочь у нее уже взрослая. Но она не слышала и знать не знала, что ее непутевая кровиночка не спешит к ней на поезде, а сидит в непонятном месте и силится не разреветься.

Я крепилась, крепилась, а потом встала на ноги, пошатнулась и разревелась как последняя девочка, осев обратно на кровать.

Сильно, как никогда прежде, хотелось домой.

Дверь открылась тихо, без скрипа, и у моих рыданий появился свидетель.

– А я ему говорил, что добить ее нужно было. Ненормальная она. Не дай праматерь, одержимая, – прогудели от порога.

Я вздрогнула и выпрямилась, смаргивая слезы, мешавшие разглядеть столпившихся у двери. Их было двое, и доверия они не внушали. Ни высокий – белый и худой, ни большой – грузный и бородатый. Первый пугал блеском желтых звериных глаз на бледном, будто нечеловечьем лице, а второй просто пугал. Потому что это он сейчас сказал, и это был именно тот голос, что чудился мне в медвежьем рычании.

– Свер… – попытался что-то сказать бородатый, но белый цыкнул, не отводя от меня своих жутких глаз, и тот сразу замолчал.

Я икнула, вытирая рукавом мокрые щеки и исподлобья глядя на белого, не зная еще, что так нельзя делать.

– Глаза опусти, – велел он, и даже в его голосе было что-то звериное.

Я икнула еще раз и приказ проигнорировала.

– Говорю же, ненормальная, – проворчал бородатый.

– Берн, – одернул его белый, – Ашшу приведи.

Бородатый вздохнул, я еще раз икнула.

Когда за недружелюбным Берном закрылась дверь, а я с этим чудищем отдаленно человеческого вида осталась в комнате одна, желание оказаться дома стало почти нестерпимым.

Всхлип вырвался помимо воли.

– Не успокоилась еще? – недовольно спросил этот, которого, кажется, Свером звали, продолжая топтаться у двери.

Я была ему за это благодарна, но предпочла бы, чтобы он за дверью находился, желательно запертой. Изнутри.

В ответ я шмыгнула носом, не забывая на него таращиться. Почему-то казалось, стоит только отвести взгляд, отвернуться хоть на секунду, и он окажется рядом.

– Ты пришла с той стороны?

Сначала я не хотела отвечать, но после недолгих раздумий решила, что лучше не позволять ему додумывать ответы самостоятельно.

– Из туннеля, – хрипло подтвердила я, на всякий случай добавив, – сверху упала.

Свер поморщился.

– Жертва.

– Что?

Проигнорировав мою растерянность, он требовательно спросил:

– Что ты умеешь?

– Ну…

Читать, писать, вышивать крестиком. Что именно его интересует он не уточнил, а я боялась спросить.

– Охотиться умеешь? Травы знаешь?

– Травы, наверное, знаю, – неуверенно подтвердила я, – охотиться не умею.

– Хорошо. Наберешься сил, найдем тебе место в доме Йолы, будешь ей помогать, – окинув меня тяжелым взглядом, Свер поморщился, – если захочешь остаться.

Меня передернуло от его последних слов. Оставаться я не планировала, мне нужно было обратно в мой мир, восстанавливать расшатавшиеся нервы.

– Я бы хотела вернуться домой.

– Это невозможно. Если ты не с той стороны, хода, которым ты пришла сюда, больше не существует.

Сразу видно, он знает толк в утешениях.

Дверь приоткрылась, после весьма условного, дробного стука.

– Звал?

Первое, что я увидела, когда девушка вошла в комнату, были зеленоватые чешуйки на смуглых скулах. Они как-то очень естественно переливались глубокой зеленью, тонконосым клинышком поднимаясь к вискам и скрываясь в густых темных волосах. Зеленые глаза ее благодаря этому казались еще ярче и словно слегка светились. А может, и правда светились, я бы не стала этому удивляться.

Она улыбнулась мне, блеснув длинными, острыми клыками.

– Разберись с ней, – велел Свер, по его резкому лицу мимолетной судорогой прошлось брезгливое выражение, – успокой.

– Поняла.

Остаток дня я провела в компании улыбчивой Ашши, и это был на редкость бездарно проведенный день. На вопросы мои она отвечать не хотела и только дружелюбно повторяла, изредка срываясь на шипение, что мне нужно отдыхать и что домой я попасть уже не смогу, но здесь мне обязательно понравится. Где

«здесь» – она не уточняла, раздражая своим убойно-позитивным настроем, и очень настаивала на том, что я в полной безопасности, и только это сейчас должно быть важно.

– Мано-Аль хорошо заботится о своих детях, – туманно сообщила она, – с тех пор, как вожаком стал Северин, в сражениях с выходцами погибло всего двадцать наших воинов.

– Впечатляюще, – кисло подтвердила я.

***

На то, чтобы пройти все стадии принятия неизбежного, мне понадобилось десять дней. Отрицание, гнев, торг, депрессия и, наконец, принятие…

Отрицать реальность происходящего мне не позволяли ноющие синяки и туго забинтованное плечо, эту стадию я проскочила быстро, всего за день.

Сложнее всего было с гневом. Я бродила по пустынным улицам, между каменными, несокрушимыми на вид домами, смотрела на малочисленных людей, которые в большинстве своем на людей похожи и не были, и едва сдерживала злость.

Они были дома, в привычном окружении привычного сумасшедшего мира, где есть оборотни, лесная нечисть и другой мир, проход в который открывается рандомно, без каких-то сопутствующих открытию знамений.

О том, что проход, через который я вылетела на одном из выходцев, закрылся в тот же день, когда я оказалась в этом мире, узнала от Ашши, ставшей моей своеобразной нянькой. На мои немногочисленные вопросы она отвечала неохотно, зато свои задавала в невозможных количествах и с горящими глазами ждала ответа. И я отвечала.

Откуда, как зовут, сколько лет, какой он, мой мир.

Первый допрос состоялся на тяжелой дубовой скамье, вбитой в землю под окнами дома Свера. Двухэтажный и вызывающе белый, он очень сильно

выделялся среди своих серых соседей.

Как оказалось, я жила в доме вожака Северина – Белого Волка, как перевела для меня его имя Ашша, или Сверина – Князя Волков, или просто Свера.

Не польщенная оказанной мне честью, их белобрысого князя я избегала и благодарить не спешила. Его не устраивало, что я не опускаю глаз, когда он обращается ко мне, а меня бесило ощущение полной беспомощности, появляющееся в его присутствии.

Мы друг другу не нравились, но выгонять меня Свер не спешил, позволив жить у него столько, сколько мне нужно, чтобы принять свою новую судьбу.

– А зовут-то тебя как? – грубовато поинтересовался Берн, расположившись прямо на земле, рядом со скамьей. По поводу моего весьма преклонного возраста – девятнадцать лет, а еще в девках, какой кошмар – он уже с охотой прошелся, и пытался найти что-нибудь еще, к чему можно было бы придраться. Не знал бородатый, что всего через шесть дней мне должно было стукнуть двадцать, и говорить ему об этом я как-то не планировала.

– Ярослава.

– Яро… – он пожевал губами, – слава.

Переглянувшись с Ашшей, которая беззвучно шевелила губами, проговаривая мое имя про себя, он недовольно покачал головой.

– Слишком длинное. Такое позволено только вожаку. – он поморщился. – Была бы Яра, да хилая ты для такого имени.

– Чем это хилая? – возмутилась я, непроизвольно выпрямляясь. На самом деле становиться Ярой мне не очень-то и хотелось, я всю жизнь Славой проходила, но эта его снисходительность задела растревоженные чувства и заставила ощетиниться.

Берн хохотнул.

– Пусть Ярой будет, – мягко сказала Ашша, по обыкновению срываясь в шипение.

Так я лишилась не только вещей, сожженных сразу же, как меня принесли в это их звериное логово, зовущееся Пограничьем, но и имени.

В тот день, вечером, я впервые попыталась торговаться с судьбой, обещая непонятным духам и некой мифической праматери чуть ли не пожизненную благодарность, если меня вернут домой.

Обещания мои не заинтересовали суровую Волчицу, одинокую и прекрасную, как благоговейно говорила Ашша, вечно бегущую по небу в поисках своей стаи.

Здесь поклонялись Белой Волчице – Мано Аль. Созвездию, вспыхивавшему ярко лишь в дни полнолуния.

Дольше всего длился период отчаянной депрессии. Я ничего не хотела, не ела и почти не пила, три дня подряд просидела в своей комнате, под конец Ашше это надоело, и она пожаловалась на меня Берну, который не поленился подняться и предупредить, что если я не перестану дурить, то он лично затолкает в меня еду, а потом вытащит на улицу и выгуляет, даже если для этого ему придется надеть на меня ошейник, как на собаку.

Меня эта его угроза повеселила, и совсем уж добило непреклонное заявление, что я теперь часть стаи, пускай и самая неказистая.

– Возьми себя в руки, – напоследок рявкнул он, громко хлопнув на прощанье дверью.

И я последовала его совету. Решив прекращать рефлексировать и начать уже вливаться в эту безумную стайную жизнь – на этом моменте меня пробрал нервный смех, хотя решимость моя не пошатнулась – но не теряя надежды дождаться шанса вернуться домой, к родителям, своей привычной жизни, планам и старой комнате, цвета обоев которой я уже и не помнила, так обильно ее стены были обклеены всякой милой сердцу мелочью.

Глава 2

Яра, ужасная лесная нечисть, приятно познакомиться…

Обиднее всего, пожалуй, было то, что чуть ли не чудовищем меня считали оборотни, полузвери, в основе культуры которых лежало идолопоклонничество.

Они натурально поклонялись Белой Волчице, приносили жертвы, просили помощи или совета. На краю деревни, у быстроходной реки, даже было возведено ее именное капище. Идол их богини возвышался над рекой, искусно вырезанная волчья морда скалилась и казалась совершенно недружелюбной, а выкрашенные красным глаза придавали ее облику особую жуть. Увидишь такое страшилище ночью – узнаешь, что такое сердечный приступ.

Но все опасались почему-то меня, а не этот первобытный языческий образчик резьбы по дереву.

Я боялась подходить к капищу и старалась, по возможности, находиться ближе к высокой, каменной стене, с трех сторон ограждающей деревню от выходцев и врезавшейся в несокрушимый камень нависающих скал, сходящихся в месте образования деревни. Такая себе встреча дикого камня с домашним, вырубленным с любовью какими-нибудь суровыми бородатыми оборотнями.

С четвертой стороны наш покой стерегла река. И Волчица.

– Опять ты здесь?

Втянув голову в плечи, я невольно зажмурилась. На крепостную башню, упрямо и бесстрашно – а бояться было чего, Свер умел неплохо рычать даже в человеческом виде – я приходила почти каждый день, и, не обращая внимания на дозорных, бездумно таращилась вдаль. Даже понимая, что это мне ничем не поможет и я не смогу вернуться домой, просто разглядывая виднеющиеся невдалеке горы, все равно приходила, вопреки здравому смыслу и запретам Свера.

Двое дозорных, что следили за дорогой, переглянулись и дружно вышли, оставив меня наедине со своим вожаком. Сдали меня этому зубастому и отбыли с чувством выполненного долга. А ты, Ярочка, страдай, получай заслуженный

нагоняй и топай к Ашше зализывать душевные раны.

Я знала, что некоторые особенно ранимые и впечатлительные жители даже приходили к Сверу с просьбой вернуть меня лесу.

Проще говоря, хотели выставить за ворота, прикрываясь беспокойством о самочувствии нечисти, оторванной от своих.

Свер отказался и даже оставил в своем доме, когда Йола не согласилась забирать меня себе в качестве помощницы.

Лесная нечисть ей была не нужна. Со знахаркой были согласны многие, а я иногда даже подумывала действительно взять и гордо уйти из этой негостеприимной деревни всем назло. Останавливало лишь осознание того, что я-то, на самом деле, совсем не нечисть, и даже не Яра, я – Ярослава Волоцкая, студентка второкурсница, уже почти третьекурсница, исторического факультета, с пятнадцати лет закоренелый городской житель и одна в лесах не выживу. А если Свер не соврал и проход закрылся, выпустив в этот мир меня и еще какое-то количество зубасто-рогатого ужаса, то путь домой мне был закрыт. Не то, чтобы я сильно верила этому волчаре, но рисковать не хотелось. Воспоминания о монстромыши до сих пор отзывались тупой болью в быстро заживающем плече.

– Я запретил тебе сюда приходить, – когда Свер злился, в его голосе все отчетливее прорывалось звериное ворчание, давая понять даже самым тугодумным, что вожак не в настроении и лучше к нему не лезть.

Но я-то к нему не лезла, просто пришла тихонечко полюбоваться горами и помечтать о том, что в один прекрасный день попаду домой. Ничего противозаконного, а он на меня рычал так, словно я его врагам планировала ворота открыть.

– Запретил, – негромко подтвердила я, разглядывая серебряные браслеты на его руках. В половину длины обычных наручей, они крепко обхватывали запястья и были усеяны защитными рунами, – а почему так и не объяснил.

Свер раздраженно вздохнул, сглотнув вертевшиеся на языке ругательства.

– Я не нечисть.

– Знаю, – отрубил он.

Я молчала, желание демонстративно прямо сейчас, у него на глазах гордо уйти в лес, стало почти нестерпимым. Меня бы никто не останавливал, даже ворота бы открыли и на прощание платочками помахали, а потом еще и соль перед воротами рассыпали, чтобы пути назад не нашла.

Жаль, все-таки, что я не нечисть.

Тяжелую тишину разбило его решительное:

– Пойдем.

Не оборачиваясь и не проверяя, иду ли я следом, Свер покинул башню.

Состроив постную морду, я подтянула штаны, выданные мне вместе с простой белой рубахой, без всякой обережной вышивки, и неохотно вышла из прохладной тени в горячий солнечный день.

Где-то рядом размеренно рубили дрова для бани. Оборотни, как звери чистоплотные, очень любили париться и даже летом, в сорокоградусную жару, прохладе речной воды многие предпочитали банную духоту.

Мне в этом плане повезло, в доме Свера имелся и водогрей, и целых две ванных комнаты на первом этаже. Большие медные ванны меня полностью устраивали.

Сначала мы пошли в дом вожака, который служил и трактиром, и постоялым двором до кучи, поражая воображение своей многофункциональностью.

На кухне, где трудилось две девушки и одна властная медведица в человеческом обличье, Свер, проигнорировав горячие любопытные взгляды, взял большой пирог с ягодами и полную крынку молока.

Заинтригованная, я поспешила за ним не смотря даже по сторонам. Каменные дома, высокие заборы, многие из которых были укрыты разросшейся зеленью, и

редкие недружелюбные лица я и так видела каждый день.

Чем ближе мы подходили к воротам, тем меньше становилось мое желание идти за ним. И уж совсем оно затухло, когда Свер преодолел укрепления и, не замедляя шага, прошел в быстро открытые при его приближении ворота.

Я застыла на месте, не спеша следовать за оборотнем. Подумалось почему-то, что я Сверу совсем надоела, и он решил лично меня в лес увести. Вернуть, так сказать в естественную среду обитания на радость своим нелюдям.

Парень, стоявший на воротах, смотрел на меня с интересом, но вопросов не задавал и даже не сильно удивился, когда с той стороны раскатисто рявкнули:

– Яра!

Поежившись, я впервые за прошедшие две недели ругнулась их праматерью, которая очень хорошо подходила на замену привычному чертыханию, и побрела на голос, подавив недостойное, но простительное желание сбежать, затерявшись среди домов, найти Ашшу и потребовать убежища.

Она одна, не считая Берна, который хоть и был решительно невыносим, но по сравнению с остальными оборотнями просто невероятно дружелюбен, относилась ко мне хорошо и не избегала моего общества.

В лес за Свером я пошла послушно, но не скрывая опасений по поводу своего будущего. Хотелось верить, что не способен он вот так просто завести человека в лес и бросить там на откуп настоящей нечисти.

Но… а вдруг способен?

Пирог в холщовой сумке, крынка в руках, прямая спина и белобрысая макушка. Свер не вызывал особого доверия. Только не у меня.

– А куда мы идем? – забеспокоилась я, когда сойдя с дороги, мы зашли достаточно далеко, чтобы, заблудившись, я не смогла найти дорогу назад.

Свер молчал. Его легкий шаг был по-звериному тих, и со стороны могло показаться, что по лесу в одиночестве бродит какое-то очень большое животное. Потому что только большие звери могут себе позволить так громко и бесстрашно ломиться вперед.

– Может, вернемся?

А в ответ тишина. И лес, вполне тихий и мирный, совершенно не страшный на первый взгляд, в компании оборотня приобрел какую-то беспокоящую мрачность. Солнце сквозь высокие кроны сосен светило по-особенному злорадно, дробный стук дятла напоминал грохот вколачиваемых в доску гвоздей.

Гробовые доски, гробовые гвозди, похоронный марш… накручивая себя, я постепенно начала отставать и очень забеспокоилась, готовая начинать паниковать и слезно умолять не оставлять меня здесь одну, когда, выйдя на небольшую поляну, Свер остановился у поваленного дерева.

Разломив пирог на четыре части, он положил его на сухой ствол и аккуратно пристроил крынку с молоком в траве, шепнув себе под нос что-то очень похожее на заговор. Я успокоилась, попыталась взять себя в руки и даже нашла силы, чтобы полюбопытствовать:

– Что, лешего задабриваешь? – притормозив у края поляны, я вытягивала шею, рассматривая умиротворяющую картину дикого леса. Никаких бутылок, оберток или пакетов, такое прекрасное, очень уютное, просто идеальное, совершенно чистое место для пикника. Вот именно в такие моменты я особенно остро ощущала, как же сильно отличаются наши миры.

– Лесовицу, – коротко ответил Свер, отряхнув руки, – чтобы тропу не кружила.

– Это которая мужиков своим темпераментом на тот свет отправляет? – со славянским фольклором я не успела толком ознакомиться за два студенческих года, но кое-что все же знала.

Судя по удивленному взгляду Свера, знала я что-то не то.

– Что? – недружелюбно поинтересовалась я, смущенная его взглядом.

– Ашша говорила, вы поклоняетесь единому божеству и не признаете других сил, – задумчиво проговорил он, продолжая меня разглядывать, – сложно, должно быть, жить не в ладу с природой.

– Мы не враждуем, – угрюмо пробормотала я, прекрасно понимая, что вру. Но не носить же мне было в лес пироги, достаточно и того, что я еду к подъезду выносила, подкармливая бездомных кошек. Чем не гармония с природой?

Его мои слова не впечатлили. Хмыкнув как-то по-особенному неприятно, он велел:

– Пойдем.

Из деревни нас выпустили легко, даже не подумав спросить, что мы забыли в лесу, кишащем всякой нечистью и выходцами с исправно функционирующим чувством самосохранения, которые, при появлении в этом мире, вместо того, чтобы броситься сразу к деревне, осели в лесу и смогли скрыться от разъездов.

Конечно, разве существует такая тварь, что может оказаться опасна их вожаку? Сильный зверь пошел в лес, и обеспокоиться его безопасностью значит усомниться в его силе, а такое никому не пришло бы в голову.

И совсем не странно было то, что нечисть отправилась с ним. Неужели кому-то может быть опасен родной дом? А именно домом, по мнению многих, лес для меня и был.

Наш поход никому не должен был показаться странным. Ну, пожалуй, кроме меня.

И я, вполне оправданно, решила дать волю своей паранойе.

– Куда?

Свер остановился, успев сделать всего несколько шагов, обернулся. Никакой радости от моего вопроса и нежелания выполнять приказ не было написано на

его страшной роже, только снисходительное раздражение и легкая досада. Кажется, он и сам не совсем понимал, зачем со мной связался.

– Ты ведь хочешь убедиться в моих словах? Своими глазами увидеть, что проход закрыт? – ровно спросил он, прекрасно сдерживая раздражение.

А я его раздражала, в этом не было никаких сомнений.

Свера злили мои красные волосы, дикие (уж кто бы говорил) повадки и полное отсутствие смирения.

Меня просто бесил он. Весь. Целиком. И та подавляющая мощь, ощущающаяся рядом с ним. Сильная личность? Ха! Просто злобный волк с мерзким характером.

Но, несмотря на наши непростые отношения, ответ меня удовлетворил, порадовал, и открыл второе дыхание, так как первое от страха сперло.

Далеко мы не ушли, дойдя до края поляны, Свер потребовал, протягивая мне раскрытую ладонь:

– Руку.

Насупившись, раздраженная его командным тоном, я, не раздумывая, спрятала руки за спину. Гулять по лесу, держась с ним за ручки, совсем не хотелось. Вот ни капельки.

Свер глухо рыкнул, вроде как ругнувшись, и потребовал:

– Дай руку, иди следом за мной и не оборачивайся назад, чтобы не услышала, пойдем волчьей тропой, так быстрее.

– И опаснее?

Желтые глаза нехорошо блеснули.

– Если будешь делать то, что я говорю, с тобой ничего не случится.

Я отступила на шаг назад. Кто знает, что меня там на этой его тропе ждет?

– Волчьими тропами же только волки могут ходить?

– Оборотни.

– Ага, ясно, то есть Берн и Ашша тоже могут?

– Берн может, Ашша нет, – отвечал вожак на удивление спокойно, терпеливо пережидая острый приступ моей мнительности.

– А почему?

– У нее спроси, – рыкнул он, требовательно протягивая руку.

– А если ты меня там бросишь, я уже сама выйти не смогу?

– Я тебя не брошу.

– Но сама я выйти не смогу?

– Я тебя не брошу, – с нажимом, медленно и чуть ли не по слогам проговорил он, чтобы под конец рявкнуть, – руку!

Вздрогнув, я без раздумий выполнила приказ, неохотно ступив вслед за ним на темную, неуютную тропу, неожиданно показавшуюся между деревьями.

– Ты как это сделал? – возмутилась я шепотом, опасаясь шуметь в этой недружелюбной мрачноте. Солнце куда-то делось, со всех сторон к нам подбирались сумерки. Холодные и страшные, они скрадывали пространство между сосновыми стволами, в темноте зажигались красные огоньки.

Все вокруг казалось призрачным и зыбким, будто нереальным. Только горячая, сильная рука, в которую я вцепилась с отчаянием утопающей, была достаточно реальной, чтобы не позволять чему-то непередаваемо жуткому забрать меня.

– Молчи, – короткий, недружелюбный ответ. И я ему очень обрадовалась. От звука голоса, пускай раздраженного, но живого и близкого, стало легче, страх ослабил свою холодную хватку.

Я шла вперед, смотрела на спину Свера, полностью сосредоточившись на приставшей к рубахе, аккурат между лопаток, сухой травинке, и отсчитывала шаги. На двадцать третьем за спиной что-то зашуршало.

– Не оборачивайся, – вовремя напомнил Свер, оборвав мой порыв в самом начале. Я медленно вернула соскользнувший взгляд на его спину, не обрадовавшись тому, что успела заметить в темноте слева от себя. Красные огоньки мигали и приближались.

– Долго нам еще? – ноги в легких, плетеных босоножках замерзли, но не это было самым неприятным. Прикосновения стелющегося по дорожке молочного тумана оставляли влажные следы на голой коже. Меня передергивало от гадливости, но возможности остановиться и опустить подкатанные до середины икры штаны не было. Приходилось терпеть.

Со счета я сбилась на сорока восьми. Просто за спиной послышались шаги, и все мысли вылетели из головы.

– Свер?

Шаги затихли.

Он сильнее сжал мою ладонь:

– Не оборачивайся.

Прошло всего несколько секунд, как шаги послышались снова. Значительно ближе. По спине прошелся легких холодок, я могла поклясться, что у меня даже волосы на затылке зашевелились.

– Свер.

– Не бойся.

Легко сказать «не бойся», а как тут не бояться, если сзади кто-то идет? Я никогда не отличалась особым бесстрашием.

Шаги вновь затихли.

Огоньки продолжали перемигиваться, но уже не приближались, и мне это показалось дурным знаком. Если одна жуть не решается подойти ближе, значит какая-то другая, более страшная жуть притаилась совсем рядом.

Когда шаги возобновились совсем уже близко, я встала как вкопанная. Это было невыносимо, просто идти и ждать, когда это существо тебя нагонит, чем бы это ни было, едва ли настроено оно дружелюбно, только не с моим везением.

Свер ругнулся и, не оборачиваясь, потянул меня к себе, заставив встать перед ним. Мы едва разминулись на узкой тропинке, меня протащили по воздуху над самым ее краем, не позволяя коснуться травы, и поставили перед собой.

Шаги затихли, а меня дальше толкали вперед, крепко держа за плечи.

– Здесь нельзя бояться, – очень своевременно просветили меня.

Нет бы раньше предупредить, до того, как мы забрели в этот недружелюбный кошмар. Сказал бы об этом еще там, на поляне, под ярким солнечным светом, я бы, может, хоть как-то ко всему этому подготовилась.

Темнота впереди сгущалась.

Хотя, с другой стороны, разве ж к такому можно подготовиться? Неизвестность для меня была страшнее любых, даже самых страшных монстров, просто потому что оставляла простор для фантазии. А у меня воображение богатое и немножечко больное, я себе таких ужасов напридумывать могу без всякой посторонней помощи, просто прогулявшись ночью до туалета по темному коридору, что обратно в кроватку бежать буду обгоняя саму себя, а тут лес кругом недружелюбный, еще и шорохи всякие, звуки страшные. Шаги.

Шаги раздались впереди. Прямо в темноте. Кто-то шел нам на встречу. Тропинку было видно всего на полметра вперед, и темнота подступала все ближе.

– Там… – я попыталась притормозить, но Свер был неумолим, он толкал меня прямо навстречу шагам. – Постой.

– Нельзя оборачиваться. Нельзя останавливаться. Нельзя бояться, – он продолжал толкать меня вперед.

– Ходить по ней нельзя, – простонала я зажмурившись. Сердце готово было выскочить из груди, целеустремленно пробивая себе путь вверх по горлу. Я не могла дышать, думать и едва шла, пребывая в предобморочном состоянии.

Кто-то был уже всего в паре шагов от нас, а я всего в шаге от спасительного обморока, когда лицо вновь почувствовало теплоту солнечных лучей.

Резко раскрыв глаза, я ошалело огляделась по сторонам.

Мы стояли у того самого места, где рогатый, отбившись от стаи, чтобы не сказать стада, понес меня в лес.

– Но… – я обернулась на деревья за нашими спинами, и на этот раз меня не стали останавливать, – тут же до деревни километров двадцать.

Свер кивнул. Ни удивленным, ни восхищенным или даже испуганным он не выглядел. Для него такие чудеса были в порядке вещей.

– Узнаешь место?

Я узнавала, пусть и была здесь лишь однажды, да и то на спине какого-то иномирного монстра.

Свер указал на пещеру в скале.

– Проверяй.

Снаружи я ее еще не видела, но не сомневалась даже, что это она и есть. Широкая и длинная, пещера больше походила на трещину, очень глубокую и странную, с оплавленными краями и почерневшим камнем под ногами.

Внутри оказалось темно, но не это было самым страшным. Отсутствие светящихся нитей, пронизывающих стены, было несерьезной мелочью по сравнению с отсутствием туннеля. Это была всего лишь пещера. Метров двести в длину, пятьдесят в ширину и неизвестно сколько в высоту.

Это был одновременно тот самый проход, сквозь который я попала в этот мир, и все же это был не он. Потому что прохода не было.

– Но как? – я ощупывала стены, надеясь, что сейчас случится чудо, она поддастся и растает, а впереди покажется злосчастный туннель. Чуда не произошло.

Свер молча ходил за мной, пока я обследовала пещеру, всегда отставая на пару шагов, не больше, и теперь, когда я полуобернулась к нему за объяснениями, лишь пожал плечами. Подойдя ближе и коснувшись стены в паре сантиметров выше того места, где ее толкала я, словно могла сдвинуть, будто бы это было возможно.

– Почему?

– Никто не знает, как это произошло, – говорил он тихо, стоял слишком близко, но впервые меня это не угнетало. Я и без его давящей силы чувствовала себя подавленно и разбитой, почти сломленной, – этот проход просто появился, всего за одну ночь почти сотню лет назад. Многие считают, что тори – граница нашего мира, треснула, соприкоснувшись с другим, и образовался проход. Но миры не стоят на месте, и проход открывается лишь когда эти трещины сходятся вновь. Я же думаю, что нам просто очень не повезло. Жестокая шутка высших сил.

– Почему?

– Из разлома в наш мир попадают только выходцы, странные животные и, изредка, непонятные болезни. Ни закрыть его, ни как-то уменьшить не получается. При открытии прохода высвобождается огромная сила, открывающая кратковременные переходы в другие миры, – он посмотрел на меня, – никто точно не знает, как это происходит, известно лишь, что ни один из таких переходов не остается открытым дольше пары секунд.

Я вспомнила синие вспышки, вспомнила вываливающиеся из них тела, или камни. Из некоторых и вовсе ничего не выпадало, и они схлопывались, вспыхивая на прощание кривой линией.

– Мы не можем закрыть проход, но можем остановить тех, кто приходит с той стороны.

Прижавшись лбом к холодному камню, я слышала, что он говорит, но почти не понимала смысла.

– Сначала на пограничье отправляли обычных солдат, но их силы оказалось недостаточно, чтобы сдержать натиск выходцев. После нескольких неудачных стычек защита была прорвана, и все близлежащие земли захвачены. Тогда за помощью обратились к нам, – Свер не смотрел на меня, уделив все свое внимание недлинной трещине в камне, – эту территорию отдали оборотням. Хорошие, плодородные земли и справедливые духи. Хранитель стаи одобрил наш новый дом…

– Подожди, – медленно подняв на него глаза, я с трудом переваривала информацию, – ты сказал, города были захвачены… но кем?

В голове не укладывалось, что дикие, напуганные животные, пусть страшные и сильные, способны разбить армию и захватить города.

– Выходцами, – коротко ответил он.

– Ничего не понимаю.

– Думаю, нам следует вернуться, – я побледнела, чувствовала, как от лица отхлынула кровь и, видимо, Сверу это не очень понравилось, – тебе нужно отдохнуть. Я знаю, что человеческие женщины очень… чувствительны.

Я невольно фыркнула. Чувствительны, как же. Конкретно сейчас я чувствовала себя просто одним большим и тяжелым куском мрамора. Неподъемным и совершенно монолитным. Но недостаточно монолитным, чтобы не уточнить опасливо:

– По этой твоей волчьей тропе я не пойду.

– Мы по тропе не пойдем, – подтвердил он, подарив мне несколько секунд покоя, чтобы разбить их непреклонным, – сама ты идти сейчас едва ли сможешь, я тебя понесу, а раз так, какая нам тропа…

Я лишь вяло пожала плечами, злорадно размышляя о том, как он собирается меня тащить, когда я даже руку поднять не могу, такой тяжелой она стала.

Свер был не в курсе, что я теперь неподъемная, легко закинул себе на спину, и даже не охнул от той тяжести, что появилась во мне после последних новостей.

Опустив голову ему на плечо, я вяло подумала о том, что едва ли еще кто-то мог бы похвастаться тем, что его сам вожак на себе катал, и задремала. В голове, лениво и плавно, кружили обрывки мыслей, среди которых яркой и очень важной, светилась необходимость узнать, что не так с Ашшей, и почему она не может ходить по волчьей тропе, когда чешуйки на скулах выдают всю ее нечеловеческую суть.

Пустую крынку и несколько крошек на поваленном дереве я уже не видела, тихо посапывая Сверу в шею. Но не сильно печалилась по этому поводу, только чуточку грустно становилось от осознания того, что не удалось увидеть вытянувшиеся лица тех, кто видел, как их вожак на собственной спине тащил из леса дрыхнувшую нечисть. В конце концов, что может быть зрелищнее?

Наверное, только улепетывающая от этой самой нечисти Ашша, которой бодрая и выспавшаяся я попыталась устроить допрос с пристрастием.

Моя крепкая психика не желала ломаться под тяжестью свалившихся на меня откровений, и я решила направить все свои мысли на что-нибудь более мирное, нежели депрессивные размышления о тщетности бытия и печальной перспективе остаться тут навсегда.

Я спасалась от суровой реальности, и страдать от этого пришлось ни в чем неповинной Ашше.

– Ну ты мне просто скажи!

Наверное, она очень сожалела, что после того, как Свер принес меня в деревню, я проспала всего три часа, и ругала себя за то, что случайно меня разбудила. Очень ругала.

– Ты все равно расскажешь!

Я задыхалась, но упрямо не отставала от легко бегущей чуть впереди жертвы. Горящие глаза и развевающаяся за спиной красная коса выглядели, должно быть, слишком опасно, по крайней мери никто не пытался остановить меня и спасти Ашшу.

Мы пронеслись по главной улице, на которой располагались постоялый двор, по совместительству являющийся домом Свера, библиотека, в которой насчитывалось чуть меньше сотни книг, и несколько домов особо важных жителей деревни, заслуживших почет и уважение в сражениях с выходцами, свернули на узкую тропинку, проходившую между двумя высокими заборами, и выскочили на соседнюю улицу, где мне пришлось прекратить преследование. Берн, на которого я случайно налетела – не обладая гибкостью и быстротой реакции Ашши, просто не успела его обогнуть – вздернул меня за шиворот, заставив тянуться вверх, стоя на носочках.

– Это что еще такое? – грозно спросил он у меня.

– Она не признается!

Ашша, заметив, что я обезврежена, притормозила и сдала назад.

– В чем не признается?

– Она хочет знать, почему я по тропе ходить не могу, – меня одарили ехидным взглядом, – и требует показать во что превращаюсь.

– А она не хочет! – встряла я.

– О тебе же забочусь, – возмутилась Ашша, – вы, люди, слишком впечатлительные.

Берн вздохнул, посмотрел на меня с мукой во взгляде, и проворно ухватив Ашшу под руку, потащил нас обеих к реке.

Пару раз вяло взбрыкнув, но так и не сумев освободиться, я присмирела и позволила дотащить себя до небольшой тихой заводи, где молодые изящные ивы, спустив свои ветви к воде, слегка шуршали листвой, волнуясь под порывами летнего ветерка.

– Покажи ей, – велел Берн, подведя меня к гнутой, словно прижатой к земле, березе.

Ашша нерешительно на него посмотрела.

– А зачем было из деревни выходить? – полюбопытствовала я, вытянув шею, чтобы разглядеть едва видневшиеся отсюда крыши домов. В этой тихой и уютной низине было спокойно и безмятежно, и если бы не близкое соседство капища, что находилось меньше, чем в километре на север, я бы считала это место своим любимым.

– Чтобы твой визг никто не слышал, – Берн был совершенно серьезен, и это настораживало.

– А зачем мне визжать? – осторожно спросила я.

– А сейчас узнаешь, – расплылся в нехорошей улыбке этот медведище и скомандовал, – Ашша.

Она покорно скинула на землю плетеные босоножки и в одно мгновение резко вытянулась вверх. Из-под длинной юбки вместо точеных девичьих ножек выглянул длинный змеиный хвост, зеленый и пятнистый. Чешуек на скулах словно стало больше, они спускались по щекам и шее вниз, выглядывали из-за коротких рукавов, переливаясь на пальцах и подбираясь вплотную к отросшим, черным с явной прозеленью, когтям.

Дернув этими когтями завязки на платье, Ашша выскользнула из одежды, представ передо мной во всем своем чешуйчатом великолепии. Шею, высокую грудь и бока укрывала чешуя, где-то она была плотной и непробиваемой на вид,

где-то нежной и едва заметной, и только живот белел совершенно обычной кожей.

Темные волосы, рассыпавшиеся по плечам, зашевелились, и на меня зашипели две зеленые змейки, показавшиеся по обе стороны ее головы.

Я не орала, только тоненько взвизгнула и зажала рот ладонью.

Одно дело предположительно знать, что вот этот вот бородатый дядька мрачного вида может в медведя превращаться, или что Свер – волк-оборотень, но увидеть все своими глазами…

Медленно осев на землю, я смотрела на их змейшество и не знала, что сказать.

– Верните меня домой, пожалуйста…

Глядя на преобразившуюся Ашшу, я не могла понять только одно: почему создания, способные превращаться в такую-то жуть, считают опасной меня? Нечисть, блин. Волосы у меня красные. А у нее вон чешуя по всему телу.

– Яра?

Она еще и разговаривает.

Я промычала что-то малопонятное и продолжила сидеть на земле, опираясь о ствол березы.

Наверное, только сейчас, глядя на этот длинный чешуйчатый хвост я окончательно поняла, что все взаправду. Они все тут действительно оборотни. И выходцы – не просто напуганные звери. И вообще…

– Берн?

– Что?

– А оборотни пьют? В смысле, самогон или что-нибудь такое?

– Еловица есть, но женщины ее не жалуют.

– Почему?

– Крепкая очень.

– Вот и хорошо. Мне срочно нужен литр этой вашей еловицы. Буду мириться с действительностью.

Ашша растерянно переводила взгляд с меня на Берна, и между ее чуть приоткрытыми губами белели кончики острых клыков.

– Два литра, – исправилась я, решив, что распивать крепленые напитки со мной будет эта растерянная змеевица. В ее компании я не буду чувствовать себя совсем уж потерянной.

Наги, оборотни, странные шаги в темноте и порталы в другие миры… лучше бы светлячок был простым инопланетянином, честное слово.

Еловицей оказался ядреный самогон, настоянный на еловых шишках. Мне хватило всего двух стопочек, чтобы перестать печалиться и вырубиться счастливым, абсолютно пьяным человеком.

Зато на следующий день я страдала от головной боли, а не от осознания своей печальной участи.

Глава 3

Йола была человеческой женщиной.

Тридцать лет, ранняя седина, почти невидная в светло-русой, толстой косе, въевшийся в руки запах трав и тяжелый, холодный взгляд голубых глаз. Словно две льдинки на белом гладком лице, с единственной суровой морщинкой между прямых бровей.

– Чего тебе?

Грудной, сильный голос отдавался нервной дрожью в пальцы рук.

– Ашша послала, – стоя на крыльце ее дома, одноэтажного и маленького, находящегося на краю деревни, ближе всего к капищу, я уже жалела, что сама не послала змеевицу, когда узнала, что ей от меня надо, – за корзиной, мы в лес идем, травы собирать.

В доме Свера имелось множество корзин, разного размера и формы, но Ашше почему-то понадобилась именно корзина Йолы, будто других на свете не существовало. Это не выглядело странным, пока я не оказалась втянутой в эту подозрительную, нелогичную причинно-следственную цепочку. Но спорить с созданием, способным разорвать меня на мелкие кусочки голыми руками, было боязно, и я, без вопросов и возмущений, отправилась выполнять поручение.

Йола несколько мгновений молчала, смущая меня странным взглядом. Показалось даже, что она сейчас просто закроет дверь перед моим носом, и уйду я ни с чем, не имея понятия, как объяснять свой провал Ашше.

Но нет, знахарка отмерла и сухо велела:

– Жди здесь.

Я была рада остаться на улице, под теплыми лучами солнца, и не заходить в пропахший полынью полумрак ее домика. Это жилище, как и сама его хозяйка, вызывали безотчетный страх. Словно ничего этого на самом деле нет. Вернее, есть, но не здесь. В другом мире. За какой-то невидимой чертой. Словно что-то странное и страшное притаилось за тонкой завесой, готовое в любое мгновение атаковать, оплести липкой паутиной и утянуть за собой в холод и тьму.

Наваждение развеялось, стоило только Йоле вернуться. Помимо корзины, ручка которой была причудливо оплетена красной лентой, она протянула мне вышитую рубаху.

– Завтра Стеречень, – ответила она на незаданный вопрос, – вожак принесет жертву праматери, много духов слетится на свежую кровь, одень это, чтобы

тебя не забрали с собой.

– Но…

– Ты не носишь оберегов, не заговариваешь беды и часто зовешь лихо, поднимаясь на башню, – она неодобрительно хмурилась, – удивительно как тебя до сих пор несчастья обходят стороной.

– Так я ж нечисть, – едко напомнила ей.

Йола покачала головой.

– Ты не нечисть, просто потерявшаяся девочка.

Ее слова должны были бы меня поразить – я привыкла к тому, что никто в деревне не видел во мне человека, и услышать это от знахарки было очень неожиданно – а вместо этого разозлили.

– Тогда почему вы меня в помощницы не взяли, если знали, что я человек? – жить в ее доме, выполнять поручения, терпеть этот сырой дух другого мира, тяжелый и почти невыносимый я не хотела и не считала важным знать причину, по которой она от меня отказалась, но все равно зачем-то спросила.

– В моем доме тебе не место. – грубовато отрубила она, негромко добавив: – Надень рубаху.

И эти последние слова, почти просьба, примирили меня и с непреклонностью ее заявления, и с закрытой перед самым носом дверью.

Прощаться со мной она не стала, но я не сильно опечалилась по этому поводу.

Стеречень… я толком и не знала, что это значит. Я и про мир этот почти ничего не знала. Не видела смысла спрашивать, а просто так никто не рвался меня просвещать.

Почему-то казалось, что чем больше я узнаю об этом мире, тем призрачнее становится возможность вернуться домой.

К маме, к проблемам с высшей математикой, которая мне совсем не нужна, но в учебном плане почему-то есть, к мечтам о великом будущем, к любимым книгам, фильмам, музыке. К своей скучной, совершенно обычной, тихой жизни. Без оборотней, без других миров, без всей этой никому ненужной сверхъестественности.

Ашша жила в доме Свера, через три двери от комнаты, что занимала я, рядом с дальней лестницей, ведущей не в общий зал, а сразу в ванную, что по умолчанию считалась женской.

И она очень удивилась, когда вместе с корзиной, я принесла кое-что еще.

– Йола правда велела тебе ее надеть завтра? – змеевица крутила рубаху в руках, гладила пальцами яркую вышивку, состоящую из геометрических фигур, в которые то там, то здесь были вплетены руны.

– Зачем бы мне врать?

– Не обижайся, – примирительно улыбаясь, она протянула мне рубаху, бережно удерживая ее двумя руками, – я просто удивилась. Йола никогда ничего не дает просто так.

– И это значит, что мне ее завтра придется надеть?

Ашша кивнула, мелодично звякнув вплетенными в темные волосы бусинами. Она, как и большинство оборотниц в деревне, украшала свои волосы, вплетая в косицы подвески и бусины, мягко позвякивающие в распущенных волосах при каждом резком повороте головы. В отличие от человеческих девушек, предпочитавших удобные косы, оборотницы выглядели особенно нарядными и очень красивыми каждый день.

В моей комнате, в плетеной шкатулке на столе уже лежало несколько бусин, что притащила Ашша, чтобы сделать меня красивее.

Я упрямо предпочитала косу, по неизвестным даже мне самой причинам, стремясь быть похожей на обычного человека.

– А может мне лучше вообще завтра на вашем этом празднике не присутствовать?

Мне с негодованием вручили лукошко, ощутимо ткнув его краем в грудь:

– Даже не думай, – подняв корзину, что я принесла от Йолы, Ашша подхватила меня под руку, и потащила в коридор, – ты теперь одна из нас. Должна просить праматерь о защите и поднести ей дар.

– И что я ей поднесу? Свой неугасимый оптимизм и веру в лучшее?

– Венок, – буднично сообщила она, проигнорировав мой выпад и не обратив внимания на девушку, поднимающуюся нам на встречу по лестнице. Если бы та не вжалась в стену, они бы столкнулись, – а этой ночью будем печь пироги для праздника.

– А спать когда?

– Яра, – вздохнула Ашша, и в этом вздохе слышалось все, что она обо мне думала. Ничего хорошего, – завтра Стеречень, самый главный праздник в году. Как ты можешь думать о такой мелочи, как сон?

Я благоразумно промолчала, решив не заострять внимание на том, что я из другого мира и для меня этот их самый главный праздник ничего не значит.

– Каждый год, на шестую ночь после летнего солнцестояния, вожак приносит Мано-Аль жертву и просит о защите для ее детей. Если что-то пойдет не так, если жертва будет не принята, а волчица отвернется от нас, пограничье, как и все земли за нами, будет ждать беда. – Ашша была предельно серьезна, затаенная тревога слышалась в ее голосе, и мне отчего-то нестерпимо захотелось вернуться в комнату и прямо сейчас надеть забытую на кровати рубаху.

– Я поняла, это ответственное мероприятие, дурить не буду и сделаю все как ты скажешь.

Но Ашшу моя покорность не удовлетворила:

– Тебе стоит помнить, что это не твой бог, Волчица следит за своими детьми, а ты теперь часть стаи.

– Это довольно странно слышать, если учесть, что меня добрая половина деревни сторонится, – на первом этаже было тихо. Днем все бродили где-то по своим делам, озабоченные стайными проблемами, но вот вечером здесь было очень тесно и громко, – не приняли они меня в свою стаю.

Ашша фыркнула.

– Это до первой атаки, а там все успокоятся, и ты станешь своей, – толкнув дверь, она первой шагнула на улице.

– Как-то меня это не утешает, – протянула я, щурясь на солнце. На небе не облачка, только бескрайняя яркость синевы. Солнце почти доползло в самую высшую точку небосвода, воздух дрожал от зноя, а этой чешуйчатой хоть бы что, встала на дороге, закинув волосы за спину, и щурится на меня, нетерпеливо дожидаясь, когда я уже выйду в этот огненный ад.

Полдень, самое пекло, зачем она так со мной?

– Яра?

– А может вечером сходим? – неуверенно протянула я, подумывая о том, чтобы малодушно предложить ей вместо леса пойти на речку.

– Вожак велел за тобой приглядывать, – она нехорошо улыбнулась, во всей красе демонстрируя свою змеиную натуру, – и либо ты идешь со мной в лес, либо я иду одна, а тебя отвожу к Сверу.

Показательно призадумавшись, она добавила:

– Или к Берну.

Это был чистой воды шантаж, и я это прекрасно понимала. А самым обидным в этой ситуации было то, что она знала, что я все понимаю, но ей было все равно.

– Ты должна обо мне кое-что знать, – мечтая о баночке солнцезащитного крема, я медленно выползала на солнце, – я верю в карму, и она тебе за меня еще отомстит.

Насмешливо приподняв темную бровь, Ашша бесстрашно пожала плечами. Она понятия не имела, что такое карма, и ничего не боялась.

Я обгорела. Это было обидно, больно и не удивительно. Предсказуемо и неизбежно. Возненавидев летние платья, особенно это без рукавов, но с красивыми вышитыми по подолу цветами, одолженное Ашшей, я с грустью рассматривала красные плечи, чувствовала, как горит лицо, и не без содрогания думала о том, как же сильно мне напекло голову. Ощущение было такое, словно у меня жар.

Три часа на поляне за рекой, под палящим солнцем, среди стрекота кузнечиков, запаха трав и неумолимого пекла.

Ашше нужны были разогретые на солнце травы, как она утверждала, в таком виде они особенно полезны. Мне не помешало бы пару килограмм льда.

Едва переставляя ноги, я с трудом брела за ней и злорадно гадала, что она будет делать с разогретой мной. Я в таком виде уж точно совсем не полезна.

Лукошко, полное прострелом и растением, отдаленно похожим на зверобой, только с белыми цветками, которое Ашша назвала лиянкой, оттягивало руку.

До деревни я добралась с трудом, и очень надеялась на сочувствие, раскаяние и посильную помощь, но получила лишь насмешливый взгляд.

Как оказалось, кружиться вокруг меня, мазать плечики сметаной и сочувственно вздыхать ей запрещала ее змеиная природа. Зато не запрещала ехидно улыбаться, наблюдая за тем, как я, тихо охая и постанывая, пробую на себе самый традиционный метод лечения – сметанные обтирания. Был вариант, как она утверждала, попросить кого-нибудь из оборотней зализать мне ожоги, для скорейшей регенерации, но от одной мысли о том, что кто-то будет своим горячим языком тревожить мои раны, становилось неприятно и раза в два больнее.

Веселье ее быстро сменилось возмущенным ворчанием, когда я в порыве самый разных, но исключительно мстительных чувств, обняла ее, оставляя на смуглых, голых руках сметанные следы, но не попыталась вырваться и даже обняла в ответ, задумчиво шепнув над моим ухом:

– От тебя пахнет медом.

Я в этом была не уверена. Запах моего шампуня уже не раз был смыт с волос и даже ее острый нюх едва ли смог бы почуять ароматы моей прошлой, беззаботной жизни.

– Иногда мне кажется, что ты и правда нечисть, – добавила Ашша, аккуратно высвобождаясь из моих рук, чтобы страдальчески закатывая глаза, осмотреть загубленное платье. Белый лен с красными маками по подолу. Тонкая вышивка, тонкая ткань, белые разводы сметаны на серовато-белой ткани не так уж и заметны, но когда я заикнулась об этом, то поняла, как же сильно рискую получить по шее, и поспешно сбежала прочь из ее комнаты.

Голова болела, впервые мне казалось, что она и правда в огне, и это не красные волосы выбились из косы, и щекочут шею, а самый настоящие языки пламени.

А в коридоре, разумеется, оказавшись здесь в самый ненужный момент, но с очень важным делом, Свер удивленно застыл, разглядывая мой непривычный вид.

После нашего небольшого путешествия по волчьей тропе я ни разу не поднималась на башню. Три дня я вела себя как послушная девочка и старательно его избегала. Мне казалось, что после того, как ему пришлось тащить меня на себе через весь лес, а потом еще и по деревне немного пронести, его ко мне отношение станет только хуже. И проверять это не было никакого желания.

– Что с тобой случилось? – спросил Свер.

– Ашша, – кисло призналась я, машинально растерев правый локоть. Сметана была везде.

Наверное, меня ждала бы расплата за столь бездарную растрату такого замечательного продукта, но в начале лестницы показался Берн, и я поспешила скрыться в своей комнате, чтобы избежать наказания и выбрать из своего гардероба вещи на вечер. Выбирать, конечно, было особенно не из чего. Либо штаны и белая рубаха – вышитая так и осталась лежать у Ашши – либо выделенная мне ночнушка, в которой я впервые очнулась в этом месте.

Потом была предпринята короткая вылазка на кухню, где под любопытными взглядами кухонных девок, как звал их Берн, я жадно влила в себя почти литр холодной сводящей зубы воды, мечтая залить этот нездоровый пожар, разожженный солнцем.

Я все еще не верила, что застряла здесь навсегда, но наконец-то смирилась с мыслью, что если не навсегда, то, кажется, довольно надолго. Столько загубленных нервов, кошмаров по ночам, а все что мне было нужно, чтобы окончательно смириться с происходящим – небольшой солнечный удар.

Мне все еще было жарко, сметана подсыхала на руках и привлекала слишком много внимания, но смывать ее было рано.

***

Ткань натирала плечи. Слишком чувствительная, энергично шелушащаяся кожа реагировала на любое, даже самое легкое прикосновение злобными, острыми вспышками боли. После вчерашнего неравномерного прожаривания это было ожидаемо, но все равно обидно. Мой личный подлый дискомфорт мешал наслаждаться волшебством летней ночи.

Такую же нереальную красоту с кострами, радостной толпой, одна половина которой уже ходит в пушистых венках, а вторая в ускоренном темпе их себе плетет, и предчувствием какого-то чуда, я наблюдала лишь два раза за всю свою жизнь. И оба эти раза приходились на Купальскую ночь.

То, что все происходило на берегу реки, лишь подстегивало воспоминания. И если бы не обгоревшие плечи, я бы сидела, ностальгировала и зверски тосковала по своему миру.

Но мне было больно, плохо и обидно, и хватило меня лишь на едкое:

– И что, венки на воду в дар Волчице пускать будем?

– Венки по весне пускают, – охотно ответила Ашша, при свете огромного костра выплетавшая свой мохнатый венок. Огромная пушистая конструкция выглядела величественно, а куцый полувенок, лежавший на моих коленях, на фоне этого великолепия рисковал обрасти комплексами вместо положенных цветов, – а сейчас их в костер кидать будем, для очищения.

Самый большой костер разожгли у условных северных ворот капища, представлявших собой два украшенных обережными знаками столба с перекладиной по верху, которые охраняло сразу два стража – вогнанные под острым углом в землю, деревянные столбы, с вырезанными на вершине оскаленными волчьими мордами, и выжженными у основания рунами.

Мы сидели слишком близко к воротам, но беспокоило это лишь меня. Ашша чувствовала себя спокойной и умиротворенной, как и все вокруг. Хотя стражи на всех скалились одинаково недружелюбно, не по себе было только мне.

Будто я в чем-то виновата и мне есть чего опасаться.

Голую ногу по достоинству оценил какой-то очень тихий ниндзя-комар.

– Уй! – потерев место укуса, я громко и очень жалобно вздохнула. Рубаха, что мне преподнесла Йола, была достаточно длинной, чтобы Ашша запретила надевать под нее штаны, стараясь вдохновить меня своим примеров. Вот только ее голые ноги комаров почему-то не интересовали, в отличие от моих. И такое внимание со стороны кровососущих совсем не льстило.

Свой венок змеевица закончила как раз к появлению Свера, мой продолжал выглядеть жалко и прямо просился в костер. Смех и разговоры прекратились, все поднялись, медленно окружили капище, не заходя за границу и благоразумно замерев в шаге от невидимой черты. Ашша протолкалась в первый ряд, протянув меня за собой, чтобы и я смогла полюбоваться, как Свер медленно прошел в ворота, пугая мрачным, разрисованным углем и, судя по всему, кровью, лицом – мне очень хотелось верить, что это кровь зарубленной на ужин курицы. Берн, разукрашенный не хуже вожака, торжественно провел вслед за Свером молодого бычка. Его тоже не пожалели и хорошенечко изрисовали, к счастью,

просто красной краской.

Я уже понимала, что произойдет дальше, и не хотела на это смотреть. Я, блин, нежное создание, впервые за свою жизнь увидела, как убивают курицу, только в этом мире, в возрасте двадцати лет, и еще не была готова наблюдать за тем, как забивают бычка.

Но кому бы были интересны терзания какой-то девицы, которую и человеком-то не считали. Наверное, мне никто не поверил бы, скажи я сейчас, что бычка очень жалко. В представлении жителей деревни нечисти жалко могло быть только себя.

Берн умело и жестко зафиксировал жертву перед алтарем – черным от пролитой на него крови большим камнем, с горящими словно угольки рунами по сколотым краям.

Красные глаза волчицы, казалось, горели тем же тлеющим красным огнем, что и символы. Ее голодный и жадный взгляд был устремлен куда-то вперед, но мне почему-то казалось, что в данный момент, в эту самую минуту, именно этой ночью, она видит нас всех.

Сильный голос вожака рычанием разнесся по капищу. Бычок, жалобно мычавший до этого, замолк и с удвоенной силой забился в удерживающих руках. Берн напрягся, расставил пошире ноги, но не сдвинулся и на шаг.

Я вздрогнула от внезапного, слаженного до жути, грохота. Все как по команде, не сговариваясь, в едином порыве, ударили пятками в землю. Я не успела понять, что происходит и нужно ли мне делать так же, как все замычали. Ровное, глухое мычание, удары левой рукой в грудь и вбивание пяток в землю.

Это было похоже на анонимное собрание кружка сатанистов. И самым невыносимым было то, что Ашша так же самозабвенно, с ненормальным огоньком в глазах, мычала, топала и колотила себя в грудь.

Вожак продолжал что-то рычать, огонь, под резким порывом ветра, пригнуло к земле, на одно короткое мгновение ночь накрыла нас тяжелым покрывалом, я чувствовала, как у меня дрожат колени, от опустившейся на плечи тяжести.

Мычание не замолкало ни на секунду. Языки пламени выровнялись, поднялись и вновь потянулись в небо, прожигая темноту горячими искрами.

Зажмурившись, когда Свер занес нож над несчастным животным, я пообещала себе не ходить больше ни на какие их дебильные праздники. И пускай Волчица обижается на меня сколько угодно.

Когда все закончилось, а я забросила свой венок в огонь, зачем-то попросив у праматери сил справиться со всем этим, Ашша потащила меня к реке. Туда, где были разложены костры чуть меньше тех, что окружали капище, и установлены столы с едой.

После того, что я увидела, мне кусок в горло не лез, зато змеевица ела за двоих, и была очень возбуждена:

– Ты видела? – с трудом пережевывая слишком большой кусок пирога, она не могла усидеть на месте. – Она же приняла жертву. Видела, как ее глаза загорелись, когда кровь пролилась на алтарь? Видела?

Я молчала, царапая стол ногтем и не спеша сознаваться, что в тот страшный миг закрыла глаза. Кто знает, вдруг нельзя так делать, и меня теперь вслед за бычком на этом алтаре зарежут.

Кто-то пробежал за моей спиной, ощутимо хлопнув по плечу:

– Не грусти, огневица! – крикнул весельчак и скрылся среди бродивших между столами нелюдей.

– Огневица? – я почему-то думала, что «змеевица» это очень оригинально и необычно, и страшно гордилась своей креативностью, и сильно удивилась, когда услышала что-то похожее из уст какого-то оборотня.

– У тебя красные волосы, – проглотив пирог, Ашша запила его молоком, и блаженно улыбаясь, рукавом вытерла губы, – в деревне некоторые считают, что ты не просто нечисть, а душа лесных пожаров.

Очень интересная, а главное, такая жизнеутверждающая новость.

В лесу внезапно случился пожар? Так у нас же в деревне живет Огневица, а давайте ее сожжем, чтобы больше не было пожаров?

А давайте!

Хотя нет, не так, меня скорее утопят, а то вдруг я в огне не горю?

После такого известия ощущение праздника окончательно сдохло, хотя после жертвоприношения еще пыталось подавать признаки жизни.

– В какое интересное место я вляпалась, – мой тихий шепот утонул во взрыве искреннего смеха, раздавшегося от соседнего стола. Некоторые, не прельстившись едой, прыгали через костер, другие бегали по берегу реки, поднимая тучу брызг и сопровождая все это звонким визгом.

Нелюди веселились, а я мечтала оказаться в своей комнате.

В ночь на стеречень к капищу шли только взрослые, молодые и сильные жители деревни, больные, старики и дети оставались в домах, чтобы не оскорблять праматерь своей слабостью. И я бы тоже, с удовольствием осталась в доме Свера. Этот их праздник мне пришелся совсем не по вкусу.

Рядом с Ашшей, сверкая улыбкой обколотого наркомана, присела рыжеватая блондинка. Ничего хорошего от ее появления я не ждала. И была права.

Оказалось, что такой себе пикничок на берегу реки – это еще не конец, и нас впереди ждали бесполезные и бессмысленные брождения по лесу, в поисках волчьего глаза – беленьких, мелких цветков, расцветавших только раз в году.

Когда-то я по лесам искала цветок папоротника, и это казалось веселым и очень интересным занятием, а теперь высматривая в темноте какие-то мифические волчьи глаза, совсем не чувствовала никакого веселья.

Как утверждала Ашша, тот, кто сможет найти распустившийся цветок, весь следующий год будет защищен от всяких бед и неудач. Мол, праматерь лично будет за ним присматривать.

Вот только волчий глаз представлял собой зеленоватую шишечку на тонком стебле, рос в труднодоступных местах, и едва ли вообще когда-то цвел.

– Кто вообще это все придумал? Какому идиоту могло только прийти в голову, – гневно шипела я, продираясь сквозь кусты, – бродить ночью по лесу?

Мне было страшно и одиноко, и все что я могла – злиться. Улыбчивая блондинка, что увела нас в лес на поиски волчьего глаза, давно затерялась в темноте среди деревьев, Ашша пропала еще раньше, других наивных искателей чуда я не видела и даже не знала, кто еще осмелился пойти в лес. Конечно, это был не жуткий сосняк, что находился за каменными стенами, а вполне дружелюбный березняк, но чем дальше я забиралась, тем меньше встречалось берез, чаще под руку попадались колючие еловые лапы, потянуло сыростью.

Невдалеке, между деревьями, тусклой зеленью что-то светилось.

Я недолго топталась на месте, решаясь пойти на свет. Даже воспоминания обо всех просмотренных за мою жизнь фильмах ужасов не заставили меня повернуть назад. Пути назад у меня все равно не было.

Заблудилась я сразу же, как потеряла из виду блондинку, и теперь просто бродила по лесу, надеясь выйти если не к деревне, то хотя бы к кому-нибудь из нелюдей.

Желание мое исполнилось, но как-то неправильно. С опаской прокравшись сквозь густой папоротник – без единого цветка – я притаилась за орешником. И с запозданием пожалела, что зажмурилась во время жертвоприношения. Волчица, кажется, на меня за это и правда обиделась.

Обиделась, и в лучших традициях обиженной женщины, будь она хоть трижды мохнатой, низко и жестоко отомстила.

На старом, поваленном дереве, плотно заросшем гнилушками, на свечение которых я и пришла, сидело три тощих, странных создания.

Где-то в половину среднего человеческого роста, они были грязными, худыми, укутанными в какие-то ветхие обноски.

Сердце, взбрыкивая через удар, скоренько паковало чемоданы, мечась по грудной клетке и расшвыривая внутренние органы в разные стороны. По ощущениям, весь мой внутренний мир скрутился в тугой комок и продирался вниз по кишечнику, желая камнем осесть в желудке.

Они смотрели на меня, прямо на меня, своими страшными, бликующими, звериными глазами. Самым диким и неправильным было даже не то, что они, казалось, вполне спокойно могли разглядеть меня в темноте, за густой листвой, а этот нечеловеческий голод на бледных, по детскому круглых и нежных лицах.

Они были очень похожи на потерявшихся детей, но я чувствовала, что у каждого из этих созданий с нечистью больше общего, чем у меня.

– Аууу! – тоненько аукнул один из них, пока двое других медленно и слаженно, пугающе бесшумно, сползали со ствола в траву. Было в их движениях что-то дерганное, неестественное, заставляющее волосы на голове шевелиться.

Все происходящее очень походило на дурацкий кошмар.

– Аууу!

Я медленно отступила на шаг назад, стараясь сделать это как можно тише. Сквозь бьющийся в ушах пульс было сложно понять насколько бесшумно я ступаю, но, если судить по ускорившимся созданиям, я была совсем не тихой.

– Ауу! – в последний раз провыл тот, что продолжал сидеть на поваленном дереве, и скатился в траву. В этот момент самообладание покинуло меня.

Паника накрыла с головой, и я побежала. Это была самая страшная, самая опасная и самая ужасная ночь в моей жизни. И никакого праздничного настроения.

Я бежала среди деревьев, в этой своей дурацкой белой рубахе с вышивкой, почти светясь в темноте, а по моим следам, не так чтобы не догоняя, а скорее загоняя, исключительно из охотничьего азарта, неслось три кошмарных создания с детскими личиками, но далеко не детскими клыкастыми пастями.

Я сдавала все сильнее, погоня наша с каждой секундой все больше походила на забаву, только вот забавлялись три твари, а меня в любом случае ждала печальная участь загнанной жертвы, но что-то пошло не так.

Существа заволновались, ускорились, стремясь перехватить меня раньше, чем мы выскочим на видневшуюся впереди, залитую лунным светом, поляну. Я тоже прибавила газу, открыв не только второе, но и третье дыхание. Впереди замаячило спасение, я чувствовала это, и бежала к нему, едва касаясь ногами земли и стараясь не думать о том, что на поляне меня может ждать проблема страшнее троицы аукающих чудовищ.

Поляна была небольшой, круглой и как будто волшебной. Нечисть, по крайней мере, за мной не последовала, замерев в тени на краю поляны. Они тихо вздыхали, жалобно аукали и делали все, чтобы я ни за что на свете не зашла в густую тень деревьев.

Расположившись по центру поляны, я попыталась укрыться среди травы, но периодическое, тоскливое ауканье оповещало, что меня очень хорошо видят, и сильно возмущены моим коварством и нежеланием принять свою судьбу.

Я бы, наверное, нервничала, вздрагивала от каждого тонкоголосого «аууу» и боялась, если бы ни одна маленькая, можно сказать, не особо значительная деталь – кольцо, подарок светлячка, о котором я периодически забывала, мягко сияло. Камень, что я приняла за малахит, будто бы впитывал лунный свет и был этим крайне доволен.

После первой и единственной попытки снять кольцо, увенчавшейся позорной неудачей, я больше не пробовала избавиться от подозрительного подарка и уже даже успела забыть о нем. Легкое и тонкое, колечко не раздражало и почти не ощущалось на пальце, про него было легко забыть. И я забыла, а теперь вот вспомнила.

– Ну и что ты такое? – тихо спросила я у кольца, чувствуя себя очень глупо в своей странной надежде, что эта безделушка мне ответит.

Кольцо хранило молчание.

И это было ожидаемо, неудивительно… и вообще в жизни и без того было много странных и непонятных вещей, например, бледные морды всяких злющих вожаков, которым на моей уютной поляне было совсем не место.

– А ну прррросыпайся! – прорычал мой кошмар, пытаясь встряхнуть меня за плечи. Я не тряслась, потому что была хорошенечко оплетена гибкими корнями, пахнущими сырой землей и почему-то имбирем. – Немедленно!

Я с трудом разлепила глаза и сразу же залепила их обратно, не желая видеть оскаленную жуткую волчью пасть. Это точно был Свер, но какой-то не такой.

Вялый, одурманенный странными запахами мозг с трудом продирался сквозь серую сонную муть. Я осознавала, что, кажется, уснула прямо на поляне, общаясь с колечком под отчаянное ауканье, но не могла понять откуда здесь взялось это страшилище, и зачем меня спеленали.

– А глазки-то жеееелтенькие, – пробормотала я, самоотверженно пытаясь поднять веки. Проблемы Вия в это мгновения мне были как никогда понятны и близки, глаза открывались с трудом, зато очень легко закрывались. Меня упрямо утягивало в сонное беспамятство, – а рожа-то страааашненькая…

– Яррра! – он был почти пушистеньким, совсем зубастеньким и бешенным до невменяемого состояния. Лапки уже были мохнатые, с запоминающимися когтями, но лицо ещё было человеческое и очень злое.

– Не рычи на меня, страшнорылый кошмар адекватного человека! – взвизгнула я, отшатнувшись назад и врезавшись затылком в землю. – Уйди!

Кошмар столь лестной характеристике не обрадовался и качнулся вслед за мной, а я просто вырубилась.

Того, как Свер рыча и ругаясь, обещая мне сразу все кары небесные и земные, рвал корни, выковыривая мое тело из кокона, и старательно тряс страшнючей башкой, отгоняя сонливость и желание прилечь со мной рядышком, я уже не видела.

Зато все это видела и слышала Ашша, топтавшаяся во время спасательной операции на границе вредной поляны, и с удовольствием пересказавшая мне, на следующий вечер, когда я наконец проснулась, все пожелания недолгой и мучительной жизни, на какие у Свера хватило фантазии.

Как выяснилось, поляна эта была не спасением, а очень даже наоборот, и если бы Ашша вовремя не заметила, что я пропала, и не рассказала об этом Сверу, то мое одурманенное тело, опутанное корнями, утащили бы под землю, где я несколько недель медленно разлагалась, питая растения на поляне.

– Ума не приложу, как ты смогла так далеко пройти, – призналась она после того, как окончательно меня запугала, – всех еще на краю поляны клонит в сон. Редко кто может больше пяти шагов сделать.

– Но Свер-то не просто пару шагов сделал, он меня оттуда еще и вытащил, – напомнила чуть нервно, не рискнув признаться, что я не только до середины поляны дошла, но и посидела там немножечко, вполне себе бодрая.

– Он наш вожак, сильный зверь, он и не на такое способен, – в голосе змеевицы послышались благоговейные нотки, перекрытые ехидностью следующего замечания, – а ты его совершенно непочтительно страшнорылым назвала.

– Извинюсь, – неуверенно пообещала я, слабо представляя, как именно мне нужно извиниться, чтобы он меня простил, – если голову не откусит при первой же встрече, точно извинюсь.

– Извинись, – серьезно кивнула Ашша, – он тебя спас от страшной участи быть похороненной заживо.

Вот так вот жила я двадцать лет, жила и не знала, что настанет тот день, когда ночью в лесу можно будет встретить кого-то страшнее маньяка, а вполне безобидная на вид полянка окажется смертельной ловушкой.

И очень интересно, почему в этом поехавшем мире, с мозговыворачивающей логикой, «страшнорылый» – это не комплимент?

Глава 4

Свер, ничего не знавший о моем самоотверженном желании просить у него прощения, на следующее же утро после моего пробуждения, отбыл в неизвестном направлении, покинув деревню на долгих три дня.

А на четвертый день, как сообщила Ашша, должны были вернуться переярки.

Каждый год, по весне, молодняк покидал деревню, чтобы в лесах и экстремальных условиях привыкать к своей второй ипостаси, а летом, после Стеречня, вожак возвращал их обратно.

И именно утром, с доброй улыбкой, змеевица мне об этом сообщила.

Беспокоиться не о чем, говорила она. Они тебя не обидят, говорила она. Они смирные, говорила она.

А потом вернулись эти смирные переярки, и я оказалась права, когда не верила Ашше и готовилась к страшному.

Я не хотела встречать Свера в компании недавно обретших вторую сущность, неуравновешенных подростов, возрастом от пятнадцати до семнадцати лет, я просто случайно вышла на улицу.

Не в то время, не в том месте, не в том мире.

Я только успела сойти с крыльца, как в воротах показался хозяин дома, а вслед за ним, радостно переговариваясь, во двор ввалилось еще около дюжины голов. Молодые, полные силы, в хорошем настроении, они заметили меня сразу. Замолчали.

А я почувствовала себя дичью, и когда ко мне бросились несколько самых любопытных, малодушно попыталась спрятаться в доме. Но не успела.

Первой на меня налетела невысокая девушка, обхватила за талию сильными руками и прижалась носом к плечу, принюхиваясь. Потом подоспели остальные.

Кто-то тыкался носом мне в шею, кто-то щекотал дыханием волосы, те же, кому не досталось места, недовольно ворчали и прыгали вокруг, надеясь пробраться ко мне поближе.

Сзади раздалось радостное бормотание:

– Новенькая. Новенькая появилась.

Я была в шоке, не понимала, что происходит, и как на это реагировать, но запаниковать не успела, очень вовремя по двору пронеслось раскатистое «Хватит!».

Всего одно слово, и меня тут же отпустили. Только продолжали смотреть с любопытством и водили носами, стараясь уловить запах.

– Чтооо сейчас произошло? – голос плохо слушался. Тело все ещё чувствовало чужое тепло и силу нечеловеческих объятий.

Берн, вышедший на шум, гулко хохотнул:

– Их можно понять, не часто у нас появляются новые лица.

– Все по домам, – скомандовал Свер, злым или раздраженным он не выглядел, но приказ был исполнен в кратчайшие сроки. Не прошло и десяти секунд, как во дворе не осталось ни одного общительного переярка.

Только уставший вожак, довольный Берн и ошалевшая я.

– А как же… – встретившись взглядом с Свером, шокированная и бесстыдно обнюханная, я растерянно спросила, – я же нечисть. Страшная лесная нечисть, разве нет?

Ответом мне была снисходительная усмешка:

– Они долгое время провели в зверином обличии, зрение еще не успело вернуться в норму. Полагаю, они просто не заметили твоей… – Берн с заминкой произнес, – особенности.

Рука самостоятельно потянулась вверх, пригладить волосы. Ну, красные, ну странные, ну подумаешь.

– Это они все время, что в лесу провели, в звериных шкурах ходили? – пока я ощупывала свою особенность, Свер как-то незаметно проскользнул мимо, и вопрос я задала уже ему в спину, встав в дверном проеме.

– Все время, – кивнул он, не оборачиваясь, – три дня назад впервые вернули себе человеческий облик.

– И что они делали все эти три дня в лесу в человеческом виде?

Свер на этот вопрос ответить мне уже не мог, он сбежал на кухню, зато все разъяснил Берн.

– Вспоминали, как быть людьми, – подтолкнув меня в спину, чтобы я вошла уже внутрь и прекратила загораживать проход, он зашел следом и вполне дружелюбно улыбнулся, хотя длинные клыки любую его улыбку делали больше похожей на оскал, – учились ходить на двух ногах, разговаривать, носить одежду и не рвать сырое мясо зубами.

– А Свер за всем этим следил? – воспользовавшись добродушным настроением обычно угрюмого медведя, я решила кое-что для себя прояснить. Например, стоит ли мне впредь прицепиться хвостом к нашему ответственному вожаку, чтобы не быть занюханной в каком-нибудь милом, укромном уголке, или молодняк скоро придет в себя и больше не будет бросаться на незнакомых людей в желании их обнюхать и, что уж скрывать, потискать.

Укромных уголков в деревне было прискорбно много, и эта проблема встала для меня особенно остро.

– Яра, – Берн как-то очень показательно тяжело вздохнул, – как ты думаешь, сможет ли молодой оборотень, впервые сменивший шкуру и проходивший в облике зверя несколько месяцев, самостоятельно перекинуться?

Я пожала плечами. Медленно, но неотвратимо, мы приближались к стойке, а значит и к двери на кухни, за которой скрылся вожак, и все детали мне бы

хотелось прояснить до того, как мы туда войдем. А он тут мне какие-то непонятные вопросы задает. Зачем?

– Свер, как вожак, имеет большое влияние на каждого в стае, в том числе и на перекинувшегося оборотня. Он уходит в лес, чтобы вернуть переярков домой. Только Свер может заставить их принять человеческий облик.

– И зачем такие сложности? – пробормотала я себе под нос.

И вот вроде бы бормотала тихо, но ответ все равно получила:

– Чтобы принять свою сущность, оборотень должен привыкнуть к зверю.

– Чего?

Берн закатил глаза. И это очень забавно смотрелось на его суровом, бородатом лице.

– Мы рождаемся с осознанием своей сущности, живем, понимая, что внутри нас так же растет зверь, но даже знание не спасает от боли и ужаса первого превращения, – замолчав, он открыл дверь, пропуская меня вперед.

На кухне было тихо и пусто, и только вожак сидел за столом, перед тарелкой вареного, без соли и приправ мяса, которое я не могла есть.

Я не могла, а Свер рвал его руками, жадно заглатывая куски. О том, что после превращения оборотни могут есть только пустое мясо, я знала и догадывалась, что Свер всех своих щенков не в человеческом виде искал, но все равно не могла спокойно смотреть, как он с удовольствием поедает эту гадость.

– Приятного аппетита, – негромко пожелала я, попятившись назад.

– Куда? – вошедший следом Берн подтолкнул меня вперед, прямо к столу и немного озверевшему после трех дней в лесу, голодному оборотню.

– Он кууушает, – некультурно ткнув пальцем в сторону вожака, я благоразумно оставила при себе все свои опасения о том, что он с таким аппетитом и меня

может съесть.

– Ничего страшного, – решил медведище, толкая меня к столу, – Свер, она интересуется особенностями нашего оборота. Просветишь?

Под взглядом желтых глаз я быстро замотала головой, в надежде убедить его, что ничем таким я совсем даже и не интересовалась. Берн, гад, сдал меня своему вожаку, который вполне мог еще обижаться на «страшнорылого».

Если Свер и продолжал обижаться, то виду не подал, зато неохотно и скупо объяснил, что рождаются их оборотни вполне обычными детками, растут так же, ничем не выдавая своей звериной сути, зато уже в подростковом возрасте, весной, хотят они того или нет, перекидываются.

– После первого превращения нельзя сразу возвращать человечески облик силой. Это влечет за собой страшные последствия, – неохотно отодвинув от себя тарелку, Свер вытер руки о полотенце, лежавшее здесь же на столе, – многие при этом погибают, некоторые становятся калеками, застряв на границе двух личин. Единицы без потерь могут вернуть свой облик сразу. Впервые обернувшимся нужно привыкнуть к зверю, дать ему время, чтобы он смог почувствовать свою силу и не противился превращению.

– А одиночки? Если кто-то родился не в стае? Где-нибудь в обычной деревне, среди простых людей? – не в силах усидеть на месте, я неловко загремела чайником, желая закипятить воды. Очень хотелось чаю. – Он так и останется бродить по лесу волком?

Свер недолгое время с любопытством следил за тем, как я пыталась набрать воду в огромный, пятилитровый чайник, неуклюже пристроив его под краном.

– Рано или поздно и они возвращают себе человеческий облик, – поднявшись, он отодвинул меня в сторону и легко переставил полный чайник на плиту, неуловимо быстро разведя огонь прямо под ним. Плита у них больше всего походила на газовую, только никакого баллона с газом я так и не смогла нигде найти, а интересоваться такими мелочами было почему-то неловко, – и когда это происходит, уходят из деревни, чтобы найти стаю.

– А родители?

– Как правило, у подобных оборотней есть только мать, и не так часто она готова принять такого ребенка.

– А материнский инстинкт как же?

– Яра, – Свер был само спокойствие, снисходительное и раздражающее, но спокойствие, – ты здесь не так давно и еще не встречалась с людьми из других княжеств, но тебе нужно кое-что знать о нашем мире: обычные люди, в подавляющем большинстве, боятся и ненавидят оборотней ничуть не меньше, чем магов. Именно из-за страха шесть лет назад погиб молодой Аларский княжич, в котором проснулась древняя родовая магия матери. Теперь всеми южными землями правит его двоюродный брат. Высокие налоги и беззаконие, люди на тех землях живут так плохо, что даже времена правления ими выходцев, по сравнению с сегодняшним положением дел, кажутся светлым периодом Аларского княжества. Но никто не ропщет, потому что, по их мнению, все могло быть еще хуже. Ими мог править маг.

– Нас боятся, но с нами мирятся, – слово взял Берн, – потому что без оборотней они не выживут. Нас заперли на северных землях, рядом с проходом, магов держат на юге в цитадели.

– Дурдом какой-то.

– Пока в наши дела не лезут, мы будем придерживаться договора, – пожал плечами Свер.

– А если полезут?

– Валис жестокий и жадный, но далеко не глупый. Он понимает, что мы можем просто пропустить выходцев на его земли. Нас охраняют обереги и кровь предков, Аларское княжество, как и все остальные княжества, уже давно забыли, как нужно защищаться от врагов из другого мира.

Чем больше я узнавала об этом месте, тем грустнее мне становилось. В таких условиях категорически не хотелось геройствовать, открывать в себе суперсилы и спасать мир. В таких условиях хотелось тихонько упаковать чемоданы и свалить домой.

Вот только не было у меня чемоданов, да и поезда до моего мира не ездили. И самолеты не летали. И даже на попутке за бешеные деньги меня некому было подбросить.

Сначала меня очень забавлял тот факт, что земли от непроходимых Тарийских гор и до красного моря были поделены на княжества. Семь княжеств, в список которых входили и земли оборотней, на огромной территории, разделенной на восемь частей. Восьмой, самый маленький участок принадлежал магам.

А потом я узнала, что два княжества держали выходы к морю, еще два добывали металлы и драгоценные камни в Тарийских горах, одно, самое неудачливое княжество соседствовало со степями и каждый год подвергалось набегам степняков и еще два, включая Инарское княжество оборотней, располагались в лесистой местности. Маги же жили где-то посередине, в вечном напряжении, ожидая атаки с любой стороны, в любое мгновение.

Все это выглядело взрывоопасно еще до того, как я узнала, что оборотней и магов тут недолюбливают.

Маги не напрасно опасаются нападений, а оборотни получили такие хорошие земли лишь потому, что те были отравлены выходцами.

Пессимизм мой и грустные размышления о бренности жизни пришлось перенести с кухни в свою комнату, чтобы никто не мешал мне страдать.

Но долго думать о недолговечности и хрупкости бытия у меня не получилось. На кровати, под подушкой, лежала книга, преступно вынесенная из их небольшой библиотеки. Какой-то приключенческий роман, при помощи которого я аккуратно знакомилась с литературой этого мира. Успела прочитать чуть больше половины и не сразу заметила, как за окном воцарился вечер, на первом этаже стало значительно оживленнее, громче и веселее, а ко мне на подоконник забрался незваный гость.

Это был кот. Самый настоящий кот. Принюхавшись, он безошибочно нашёл меня своими наглыми, желтыми глазами. Глаза эти мне кого-то очень напоминали, и не было ничего удивительного в том, что кота я невзлюбила сразу.

Но даже так я оказалась очень сострадательной. Аккуратно закрыв книгу и медленно сев, стараясь не спугнуть, я негромко его предупредила:

– Беги отсюда, кот. Тебе сюда вообще нельзя.

Круглое мурло моргнуло на меня своими гляделками и, утратив всякий интерес, уделило все своё внимание столу, на котором лежал вчерашний бутерброд. Хлеб уже давно зачерствел, но колбаска, щедрым куском лежавшая сверху, была все ещё очень съедобной. И, судя по воодушевленной морде кота, очень аппетитной.

Огромная туша, в которой было килограмм шесть, не меньше, с грохотом спрыгнула на пол и гордо отправилась к столу.

Смотрела я на это дело молча. Слов просто не было.

У меня тут кот. Хороший такой, упитанный и, наверное, даже вкусный. А внизу сидит целая стая хищников. И большая половина из них – волки. То есть, те же собаки, только больше и страшнее.

А у меня кот. И кот этот, не чувствуя угрозы, преспокойно жрет мой бутерброд.

Вот именно тогда, шалея от кошачьей наглости, я впервые осознала всю правоту Ашши, ругавшей меня за то, что я таскала еду в комнату.

Доев колбасу, кот ответственно обнюхал хлеб и с брезгливой миной, невозмутимо глядя прямо на меня, скинул его на пол.

– Ну ты наглый, – с восхищением протянула я, против воли умиляясь объемностью, пушистостью и надменным самодовольством этой туши.

Коты в деревне, конечно, водились, так же, как и собаки, и даже домашний скот. Приученные с рождения к запаху хищного зверя, они равнодушно относились к оборотням, составлявшим почти восемьдесят процентов населения всей деревни. Еще около пяти процентов составляли существа наподобие Ашши, а все остальные являлись обычными людьми.

Если верить Берну, на территории оборотней люди совершенно спокойно соседствовали с нелюдьми, в число которых затесалась даже парочка магов, каким-то чудом сумевших добраться от своих земель до оборотней. Зато во всех других княжествах жили только люди.

Котяра хрипло мяукнул, требовательно глядя на меня. Пораженная до глубины души, я не могла понять только одного – откуда взялась такая наглая отъевшаяся харя. Все коты, которых мне доводилось видеть в этом мире, были быстрыми, внимательными и поджарыми. А этот… этот был толстым, наглым и напрочь лишенным чувства самосохранения.

И он требовал у меня еды.

Я поднялась, благоразумно спрятав книгу под подушку, сделала всего два шага к столу, собираясь поднять хлеб и хотя бы скормить его птицам, но была награждена злобным шипением и застыла на месте.

Убедившись, что я больше не пытаюсь приблизиться, кот снова мякнул.

– Сдам тебя Сверу, – не очень убедительно пригрозила я.

Кот не убоялся и снова потребовал еды, хотя, в его хриплом исполнении, скорее жратвы.

Особого выбора у меня не было: либо сдать его Сверу, либо прокрасться на кухню, как-то миновав помещение, полное оборотней.

Жалость и бессмысленная любовь к животным решили все сами, путь мой лежал на кухню.

Но дойти – прокравшись зачем-то на цыпочках – я успела только до двери, потому что в коридоре, припав к полу и вынюхивая что-то в щель под дверью, лежала весьма подозрительная девица.

Когда она, вздрогнув, пружинисто поднялась, я признала в ней ту самую быструю особу, поймавшую и основательно обнюхавшую меня на крыльце.

– Вечер добрый, – подавив невольный порыв захлопнуть дверь и для надежности подпереть ее столом – и пусть кот хоть обшипится – я постаралась быть дружелюбной и, по возможности, вежливой.

Девушка молчала, напряженно глядя на меня исподлобья. Будто бы это я сейчас лежала на полу под дверью ее комнаты, что-то вынюхивая.

– Что-то не так? – я все еще была исключительно дружелюбной, но уже готовой к неприятностям.

– Я…

Грохот за спиной ознаменовал величественный спуск их мохнатого котейшиства со стола на пол, и девушка, только собиравшаяся что-то сказать, замолчала. Вытянув шею, она попыталась заглянуть в комнату, чтобы увидеть источник шума, я зажмурилась.

– Латис у вас? – срывающимся шепотом, не до конца веря в свою удачу, спросила она.

– Кто?

– Ко-кот.

– Большой такой, наглый, пушистый и желтоглазый? – она кивала, подтверждая каждое мое слово. – Колбасу еще очень любит?

Девушка растерянно замерла, таких подробностей о своем питомце она, кажется, не знала. Пока она пыталась решить, может ли ее Латис любить колбасу, объевший меня котяра медленно и важно вышел в коридор, вскользь коснулся моей ноги кончиком гордо задранного хвоста и с дребезжащим урчанием ткнулся головой в ноги оборотницы. Прошелся кругом, обтирая свои бока о ее ноги и не переставая урчать как заводящийся мотор.

Быстро подняв кота на руки, девушка просительно посмотрела на меня:

– Не говорите, пожалуйста, Сверу, что он у вас был.

– Ваш вожак не одобряет присутствие котов в своем доме? – наверное, это было бы логично, он же все-таки волк, а кот – кот. Но все оказалось совсем не так, как я себе это представляла.

– Латиса я случайно нашла две недели назад, – воровато оглядев пустой коридор, предприимчивая оборотница проворно затолкала меня в комнату, упираясь в меня своим недружелюбно настроенным, очень мрачным котом, и закрыла за собой дверь.

Дальше мне пятнадцать минут пришлось слушать душещипательную историю встречи юной, впервые превратившейся рыси, которую, к слову, звали Рала, и харизматичного кота, отъевшегося на деревенских харчах некой зажиточной семьи.

Что оборотница делала вблизи одной из деревень, расположенных не так далеко от пограничья, когда должна была смирять своего зверя в лесу, история умалчивала. Главным было то, что Латис признал в рыси свою новую хозяйку и ушел за ней в лес.

– А Свер велел вернуть его в деревню, – Рала грустно вздохнула, – и наругался еще.

– А ты не вернула, – кивнула я, смирно сидя на своей постели, в то время как девушка занимала единственный в комнате стул. Кот предпочел развалиться на столе.

– Я не смогла.

– Ладно, предположим, я не стану никому ничего рассказывать, но ты же понимаешь, что твой кот в стремлении найти неприятности на свой пушистый хвост, когда-нибудь рискует нарваться на Свера? И тогда его уже ничего не спасет.

– Я что-нибудь придумаю.

У трагедии этой будет печальный финал, я прямо чувствовала это, но девушку расстраивать не решилась и пообещала хранить ее секрет, пока он сам не

выплывет наружу.

Благодаря этому преступному сговору я обрела в деревне еще одну живую душу, которая при случайно встрече на улице дружелюбно мне улыбалась.

Глава 5

Что-то плохое пришло с юга.

Солнце незаметно, но быстро затянуло тучами, по земле, расстилаясь мутным ковром, тянулись влажные щупальца тумана, а воздух стал холодным и колючим, заставляющим ежиться и невольно оглядываться.

– Это что такое? – пробормотала я, медленно поднявшись со скамьи, на которой сидела, прячась в тени дома от солнца, пока Ашша стояла посреди двора, запрокинув голову к небу, и жмурясь от удовольствия, принимала солнечные ванны.

– Нужно предупредить Свера, – поежившись, змеевица убежала в дом. Никаких объяснений, снисходительных улыбок и заявлений, что это в порядке вещей и так часто бывает.

Происходило что-то нехорошее.

Я не знала – что, но видела, как несколько человек, которых непогода застала на улице, поспешили прочь, невольно втягивая головы в плечи и ускоряя шаг, а оборотни, большие и хмурые, наоборот, стекались во двор вожака, в ожидании его слова.

Вжавшись в белую стену, я постаралась стать как можно незаметнее. Предчувствие серьезных неприятностей не отпускало, интуиция требовала бежать в дом и прятаться, но я ее не слушала и стояла на месте, жадно разглядывая сосредоточенные лица оборотней.

Первым на порог вышел Берн, и его озадачили гневными требованиями позвать вожака.

– Ведьмы совсем страх потеряли! – зло прогудели в толпе.

– Тихо! – раскатистый рык Берна оборвал недовольный гул голосов, во дворе воцарилась тяжелая тишина, и именно в этот момент дверь открылась, выпуская Свера.

Вожак вышел.

Я ждала вдохновительного монолога, каких-нибудь слов, объясняющих, что происходит, хотя бы один маленький намек. Но нет, Свер молча спустился с крыльца, глядя куда-то вперед, сквозь оборотней, и те расступались, пропуская его.

Молча и поразительно слаженно они покинули двор, следуя за Свером, туда, где стена не возвышалась неприступной защитой, а состояла из не таких уж и крепких, если подумать, бревен, отделявших территорию деревни от остальной земли. Я, идя на поводу у своего любопытства, поспешила за ними, понимая, что мое присутствие никого не обрадует и потому чуть подотстала, чтобы оказаться не замеченной раньше времени.

Когда я только начинала здесь обживаться, то наивно полагала, что стена защищает оборотней лишь с трех сторон, в то время как четвертую они халатно оставили под защитой своей праматери. Многим позже до меня дошло, что все несколько сложнее, чем мне казалось сначала.

Они просто не ждали нападения с тыла. По южной дороге к ним прибывали только странные люди в темных одеждах, да посыльные соседних князей, периодически прибывавшие с какими-то бумагами и опасливым любопытством. Стоит ли еще пограничная деревня, не померли ли все оборотни, не вырвалось ли жуткое, но не имеющее определенного облика зло?

О том, как выглядят выходцы эти лощеные, вызывающие безотчетную брезгливость, самодовольные люди знали прискорбно мало. В соседних княжествах о выходцах рассказывали страшные сказки, в которых от правды остались лишь общие факты, да назидательный страх перед сильным врагом.

Деревня закупоривала единственный проход в мир, скрепляя сходящиеся у ее границ скалы, кругом охватывающие долину и упирающиеся в каменную стену, являющуюся искусственным заслоном для выходцев.

О том, что враг может прийти не только из другого мира, я раньше как-то не задумывалась. Как выяснилось, очень зря.

Ворота уже были приоткрыты.

Неясная, но набирающая силу тревога погнала меня ближе, чтобы выглянуть из-за могучих спин и хотя бы попробовать разглядеть врага.

Пока оборотни оценивали густоту выползающего из леса тумана, я прокралась следом и, вытягивая шею, опасливо разглядывала темные провалы между застывшими, словно помертвевшими деревьями.

– Яра! – стоило только начать вглядываться в лес, пытаясь понять, правда ли там что-то есть, или это воображение играет со мной злую шутку, заставляя видеть то, чего нет, как меня заметили. – Почему ты здесь?

Свер был зол, Берн мрачен, остальные оборотни просто не рады меня видеть.

– Посмотреть… пришла, – робко пробормотала я, чувствуя себя очень неуютно под тяжелыми взглядами. Лучше бы они все отвернулись и опять туман разглядывали.

– Ее не клеймили, – тихо заметил Берн. Очень хорошее, а главное своевременное замечание. Мне тут и так страшно, а он о клеймении говорит. За что меня клеймить? Я же ничего настолько ужасного еще не сделала. К чему такие суровые меры?

– В деревне четверо не клейменых, – озабоченно поддакнул парень, которого за все время пребывания здесь я видела лишь один раз. Тогда в лесу, в мой самый первый день в этом мире.

– Собери их и запри где-нибудь, – бросил Свер, вдохновленно добавив, – а лучше свяжи.

Затейник, блин.

– Не нужно меня связывать!

– Пойдем, – меня аккуратно взяли за плечи, увлекая прочь от ворот, – Яра, верно?

– Да.

– Я Алис.

Я, как исключительно невоспитанная особа, ничего на это не ответила, продолжая оглядываться, выворачивая шею. Свер вернулся к делам насущным и, тихо переговариваясь с Берном, напряженно вглядывался в лес.

– Мне показалось, там что-то есть, – доверительно шепнула я Алису, когда мы прошли первые дома, находившиеся сразу за стеной, – в лесу.

– Не показалось, – угрюмо отозвался он, – они уже пять лет не появлялись, многие начали надеяться, что после смерти Андред гадины успокоятся.

– Кто они?

На улицах было совершенно безлюдно, только туман стелился по земле, да бледно светились защитные символы, выжженные на калитках. Где-то там, за высокими заборами, на дверных косяках мягко горели такие же знаки. Люди и нелюди в этой деревне очень ответственно относились к своей безопасности.

– Ведьмы.

Стоило мне только свыкнуться с мыслью, что я теперь живу в ненормальном мире, как этот мир становился еще более сумасшедшим. Ведьм мне только для полного счастья и не хватало.

– Они считают, что всякое убийство выходца – непростительное преступление, что мы должны впустить их в наш мир и позволить править нами.

Огорошив такими новостями, Алис затащил меня в подвал дома Свера, который, как он утверждал, охраняется лучше всего, и убежал за другими неклеймеными неудачниками, которым предстояло неизвестно сколько времени просидеть в темноте и сырости, пока наверху творится какая-то опасная непонятность.

Минут через двадцать одиночество мое скрашивало уже четыре несчастные, очень впечатлительные морды. Все молодые и нервничающие, они заставляли меня сожалеть о том, что я тут сижу не в гордом одиночестве.

Одной было как-то спокойнее.

Две девушки забились в угол и испуганно жались друг к другу, вздрагивая от каждого шороха. А шорохов здесь было много, и тряслись они не переставая. Парни, считая, что им статус не позволяет дрожать по углам, бродили по подвалу, то появляясь в неверном свете единственного горящего светильника, то вновь скрываясь в полумраке. Меня эти их брожения очень бесили, но я молчала, предпочитая, сидя под дверью, притворяться ветошью и ждать, когда опасность пройдет, и нас отсюда выпустят. Алис запер дверь, стоило только последнему неклейменому сюда спуститься.

Угрожающий волчий вой просочился сквозь камень, пройдясь по нервам электрическим разрядом.

Я дернулась, резко открыв глаза. Один из парней застыл, нервно посмотрев на стену, из- за которой, если верить ощущениям, раздался этот вой. Обе девушки и второй парень так и продолжали бояться, всем своим видом давая понять, что они ничего не слышали.

Хотелось бы мне спросить какого черта здесь происходит и что это было, но одна из девушек, та что полнее и пугливее, очень не вовремя завизжала, ударилась затылком о стену и, оттолкнув от себя подругу по несчастью, закрыла лицо ладонями.

Брюнетка шарахнулась в сторону, налетела на стеллаж, оцарапала плечо, но даже не заметила этого, круглыми, полными ужаса глазами глядя на забившуюся в припадке девушку.

Парни как по команде отшатнулись назад, подальше от нее.

А девушка, не прекращая орать, билась головой об стену, изредка страшно подвывая.

– Прекратите это, прекратите!

Я не знала, почему никто не пытается ей помочь, но не могла на это смотреть. Непонятное, невозможное зрелище нагоняло противоестественную жуть. Я не меньше визжащей хотела, чтобы это прекратилось.

– Стой! С ума сошла? – парень, что не слышал воя, попытался преградить мне дорогу, когда я бесстрашно и бездумно ломанулась к девушке, но, наткнувшись на злой взгляд, поспешно отошел в сторону, мстительно пообещав. – И тебе достанется, дура.

– Прекратите! – девушка опять попыталась удариться головой об стену, я лишь чудом успела подставить ладонь, в стремлении защитить ее дурную голову от встречи с каменной стеной, и сразу же об этом пожалела. По ощущениям, голова у девушки была чугунной, и моя рука очень отчетливо прочувствовала как ее тяжесть, так и холодную шероховатость стены.

– Уййй…

– Пусть это прекратится, – простонала она, когда я, перехватив ее руки и стараясь не обращать внимание на неприятную боль в отбитой ладони, с трудом отняла их от бледного лица.

– Что прекратится?

Девушка плакала, тихо хныкая как ребенок, и не хотела понятно отвечать на мои вопросы, повторяя что-то про зов и голоса в голове.

Пока я воевала с одной ненормальной, пытаясь добиться от нее адекватных объяснений, чудить начал парень, попытавшийся меня остановить. Неестественно выпрямившись и прекратив жаться к противоположной стене, он удивительно спокойно, я бы даже сказала равнодушно, осмотрел подвал, нашел взглядом выход, и целеустремленно пошел к нему. Его попытался остановить второй парень, но отлетел к стене, от одного легкого толчка, сбил полку и упал

на пол, погребенный под свалившимися сверху банками с закруткой.

Остановить одержимого, а именно на одержимого тот и походил, больше было некому.

Хотя, конечно, была еще запертая дверь и, по идее, она лучше любого из нас должно было его остановить.

Девушка замолчала, прекратила плакать и тихонечко вздохнув, завалилась набок, безвольной куклой обмякнув в моих руках.

Пока я укладывала ее на полу, заторможено отмечая ровное дыхание и расслабленное выражение спокойного лица, раздался страшный треск за спиной.

Дверь больше не была заперта, а одержимый, не оборачиваясь, покинул нас.

– Что ж за день-то сегодня такой? – простонала я.

Как человеку, которому больше всех надо, мне казалось, что нужно пойти и приглядеть за ним, чтобы этот несчастный ничего не натворил и не успел покалечиться, пока Свер не разберется с лесной напастью и не вернет парня в сознание.

– Присмотри за ней, – велела я, жавшейся к стене брюнетке, вяло удивившись властным ноткам, проскользнувшим в недрожащем голосе, и поспешила за одержимым, почти не обратив внимания на тихие ругательства из-под свалившейся полки.

Туман укрывал от взгляда дома, скрадывал звуки и разжигал внутри беспокойное чувство беспомощности. Я боялась потерять из виду свою цель, но мне повезло, или, быть может, повезло ему: выбравшись из дома, я успела заметить темный силуэт раньше, чем он окончательно потерялся в молочной белизне.

Было страшно, было одиноко и впервые за все время моего пребывания здесь я хотела оказаться рядом со Свером или хотя бы Берном.

И парень планировал в ближайшее же время организовать мне с ними встречу.

Шли мы в сторону южной стены.

А там, не оберегая мои истрепанные нервы, творилось нечто странное.

Ворота были заперты, вырезанные на них символы тускло горели красным. Тем самым, жарким, страшным красным цветом, каким в Стеречень светились глаза волчицы.

Я замешкалась, на мгновение увязнув в воспоминаниях. Жалобное мычание бычка, сосредоточенное, страшное лицо Свера, мерные глухие удары и черная при свете костров кровь, брызнувшая на голодный камень.

Тогда я не особо задумывалась об этом, но сейчас, в этом липком тумане, глядя на открываемые ворота, мне почему-то подумалось, что кровь-то тогда очень быстро перестала блестеть, словно засохла и впиталась в камень.

Парень поднатужился, ворота с тихим стоном поддались и открылись шире.

Я вскользь, будто случайно, заметила в его руке топор. Обычный, ничем не примечательный топор, которым рубят дрова.

Где он его взял? Когда? Зачем? Я не знала, но была уверена, что ничего хорошего он этим топором не сделает.

Ворота, словно сопротивляясь, неохотно уступали каждый сантиметр, но открывшись на полметра, в них словно что-то сломалось, сухо хрустнуло и створки сами, после одного слабого толчка, разошлись в стороны, приветливо распахнулись, открыв моим глазам жуткую картину.

Туман этот был неправильным, теперь в этом не было сомнения.

На поляне, что отделала деревню от леса по восточной стороне, происходило самое настоящее побоище, а в деревне, там, где стояла я, не было слышно ни шороха.

Оборотни в своем околочеловеческом виде, с оружием в мохнатых недолапах, бились с тощими, одетыми в черные мешкообразные тряпки, девицами. Бледная кожа, черные волосы, черные глаза, худые, иссушенные лица, тонкие руки в прорезях безразмерных балахонов, белые ноги с черными, птичьими когтями.

Завороженная, я несколько тягучих секунд смотрела на то, как огромный и сильный дядька с оскаленной волчьей мордой на могучих мохнатых плечах пытался пробить воздух, чтобы дотянуться до застывшей на месте девицы.

Ведьмы в этом мире выглядели отталкивающе и страшно.

Одержимый медленно и уверенно поднял топор, метя в один из символов, тлевших на крепком дереве ворот.

И я, наконец-то, отмерла, бросилась вперед, не задумываясь, что делаю, подхватила увесистый булыжник, словно специально для меня лежавший на дороге и, не замедляя бег, с размаху, врезала камнем прямо по темноволосой голове.

Топор выпал из ослабевшей руки, и парень осел на землю, очень медленно, я бы даже сказала, удивленно, словно он и подумать не мог, что такое возможно. Или не он, а кто-то другой, кто-то управлявший им.

На камне остался небольшой, красный след, и я могла лишь надеяться, что не проломила бедолаге череп, а всего лишь немного содрала кожу. Или даже много, судя по красной, небольшой, но не вселяющей доверия лужице, растекающейся под его головой.

Низкий волчий рык прошелся дрожью по моим несчастным натянутым нервам.

Одна из ведьм с жуткой застывшей гримасой безумной ярости бросилась ко мне, но была перехвачена на подлете огромным белым волчарой.

Подобрав с земли топор, я прижала его к груди и как дура замерла на месте, с ужасом глядя на то, как наша надежда и отрада, сильный зверь, волчий князь справился с потерявшей концентрацию, злой ведьмой.

Ухватив ее за развевающиеся тряпки, он голыми руками, бросив своей боевой топор вогнанным в грудь одной из ведьм недалеко позади, оторвал ей голову.

На этот раз огня нигде не было, и показаться мне никак не могло. Кровь у этой гадины точно была черной, блестящей и тягучей как мазут.

Предельно озверевший Свер бросил тело поверженной ведьмы и, не глядя в мою сторону, требовательно рыкнул:

– Закрой ворота.

Я мелко закивала, таращась в спину оборотню. Пока он возвращался к своему топору, пока вырывал оружие из быстро задеревеневшего тела, я преданно смотрела ему вслед и отмерла лишь поймав требовательный взгляд желтых глаз.

Не выпуская откровенно ненужный, мешающий топор из рук, я засуетилась, намеренная выполнить указание вожака во что бы то ни стало.

Туман лип к ногам, тянул тяжелые створки назад, будто стремясь удержать ворота открытыми.

Тихонечко скуля от страха, вздрагивая от каждого звериного взвизга или злого рычания, я толкала правую створку, стараясь не думать о том, что ведьмы не издают звуков и вполне возможно, одна из них уже стоит у меня за спиной.

Наверное, именно благодаря тому, что усердно накручивая себя, я была почти готова ко всему, не растерялась, когда холодная крепкая рука вцепилась в мое плечо, а быстро, с размаху, отмахнулась топором.

Остро заточенная сталь беззвучно врезалась во что-то и отскочила. Руку заломило, но свое единственное оружие я даже не думала выпускать, просто до крика было страшно разжать пальцы.

Возможно, нанести вреда я не смогла, но отпора от меня не ждали и чуть ослабили хватку, чем я и воспользовалась. Вырвавшись из холодного захвата, вжалась в дерево ворот и встретилась взглядом с черными, неживыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/oginskaya_kupava/volch-imi-tropami

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити